

// [Махмут Гареев](#), [Анатолий Куликов](#), [Михаил Ходаренок](#)
<http://vpk-news.ru/articles/8029>

Недавно в Клубе военачальников Российской Федерации состоялся «круглый стол», посвященный трактовке событий, которые происходили накануне нападения нацистской Германии на Советский Союз, и причинам тяжелых поражений Красной армии в первых сражениях с вермахтом. В дискуссии приняли участие президент Академии военных наук, доктор военных и исторических наук генерал армии Махмут Ахметович Гареев, президент Российской ассоциации историков Второй мировой войны, вице-президент Международного комитета истории Второй мировой войны, доктор исторических наук, академик РАЕН Олег Александрович Ржешевский, маршал артиллерии Владимир Михайлович Михалкин, бывший начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии Владимир Николаевич Лобов, бывший начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал-полковник Федор Иванович Ладыгин, генерал-лейтенант Евгений Иванович Малащенко, генерал-лейтенант Леонид Михайлович Хохлов, генерал-лейтенант Александр Николаевич Карпов, генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич Нефедов, генерал-майор Герман Васильевич Кириленко, полковник Валерий Викторович Абатуров, Михаил Вячеславович Морозов, главный редактор газеты «ВПК» Михаил Михайлович Ходаренок. Руководил работой «круглого стола» президент Клуба военачальников генерал армии **Анатолий Сергеевич Куликов**.

Чтобы помнили и не забывали

Клуб военачальников в этом году перешел на несколько иную методику работы. Обычно в течение года мы проводили две научно-практические конференции, а также прочие мероприятия разного рода, на которые приглашали журналистов. Но потом решили встретиться с руководителями наших военных изданий, в частности с Михаилом Михайловичем Ходаренком (главный редактор газеты «Военно-промышленный курьер»), с Виктором Николаевичем Литовкиным (ответственный редактор еженедельника «Независимое военное обозрение»), и предложить следующий вариант взаимодействия. Клуб примерно один раз в месяц станет организовывать «круглые столы» для обсуждения различных злободневных тем, а высказанные мнения будут публиковаться в СМИ. Таким образом удастся ознакомить с точкой зрения авторитетных, уважаемых людей по животрепещущим вопросам существенно большую аудиторию – и военную, и гражданскую.

Вулканы лжи

Мы уже провели ряд «круглых столов». «Военно-промышленный курьер» показал себя нашим союзником в этом плане. И мы не могли не откликнуться на просьбу Михаила Михайловича Ходаренка, когда он сказал: «Есть необходимость обсудить проблематику, связанную с 1941 годом». Главный редактор «ВПК» просто сконцентрированно выразил

пожелания всех военных экспертов в связи с 70-летием начала Великой Отечественной войны. В печати, радио- и телеэфире по этому поводу отмечалась своеобразная информационная вспышка. Причем наряду с появлением хороших и правдивых материалов вздымались, надо прямо сказать, пенные вулканы лжи и искажений. Например, вы знаете, что на канале НТВ показали программу «Роковые решения», в которой весьма тенденциозно тракуются события 1941 года. А ведь многие люди смотрят, слушают подобные передачи, принимают все за чистую монету и говорят: «Так оно и было».

Приведу еще один пример. Как-то в свое время мне довелось заниматься проблематикой подготовки людских ресурсов в интересах обороны страны. При этом оценивались наши потери в Великой Отечественной войне – как санитарные, так и безвозвратные. Они были предметом исследований. В ту пору я и ознакомился с трудами Бориса Соколова, в которых немало места уделено тому же вопросу.

Читаю и поначалу хочу верить всем приведенным автором цифрам. Потому что Борис Соколов пишет достаточно убедительно, интересно. А потом дохожу в одной книге до чеченской кампании 1994–1996 годов и узнаю: оказывается, тогда погибли 100 тысяч чеченцев. И у меня сразу пропала вера в объективность этого ученого-историка. Максимальная цифра потерь населения Чечни в том конфликте, включая гражданских лиц, – не более 23–25 тысяч человек, что я хорошо знаю как непосредственный участник событий. Это, безусловно, тоже очень большое число, даже чересчур большое. Но утверждать, что погибших было 100 тысяч? Налицо, извините, явный перебор. Мы ведь вели учет потерь даже по могилам на мусульманских кладбищах. И наши подсчеты, уверяю вас, достаточно точные.

Самое обидное, что почти никто из создателей фильмов, передач (тот же Алексей Пивоваров), творцов печатных опусов о Великой Отечественной не обращается ни в Клуб военачальников, ни в Институт военной истории, ни в Министерство обороны. Неужели заведомо боятся, что им дадут какую-то дезинформацию? Непонятно.

Я считаю, что и наш клуб, возможно, виновен до определенной степени. Мы должны были написать во все СМИ, что готовы представить своих экспертов, которые охотно проанализируют тот или иной журналистский материал, прежде чем он будет представлен широкой публике. Нам надо проводить наши «круглые столы», может быть, под объективами телекамер, чтобы потом канал «Звезда» показывал ход заседаний.

Конечно, это упущение клуба. Хотя мы с Махмутом Ахметовичем Гареевым и другими членами оргкомитета «Победа» поднимали вопрос об освещении ратного прошлого страны. И Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России во главе с Сергеем Нарышкиным имеется. Но есть ли результаты? Ничего же нет. Вот «круглые столы», подобные сегодняшнему мероприятию, надо демонстрировать телезрителям вместо программ наподобие, скажем, «Ты не поверишь». А то смешно сказать: полгода обсуждают insult человека нетрадиционной сексуальной ориентации Бориса Моисеева. Шесть месяцев об этом говорят! Национальная проблема, не иначе. А вот того, что нужно нашим потомкам, нет.

Учим абы как

Сравните только, как пала во Второй мировой войне Западная Европа. Приведу пример Дании. Король утром выглядывает в окно и видит – ходят по Копенгагену военные в форме вермахта. Его величество интересуется: «А что тут делают немецкие солдаты?». «Они завоевали нашу страну». «А что они хотят?». «Они хотят, чтобы мы их кормили». «А они платить будут?». «Сказали, что будут». «Хорошо, будем кормить». Четыре человека – потери Дании при захвате страны.

А Франция как рухнула? Страна же, которая ценой миллионов жизней спасла человечество от гитлеровского порабощения, от фашистской чумы, теперь еще должна оправдываться или каяться перед кем-то. В мае 1995 года мы с Махмутом Ахметовичем были в Лондоне, в одном из университетов проводили конференцию. Потом решили посмотреть английский музей истории войн. Приходим, смотрим – действительно, великолепная экспозиция, ну просто чудо, от первых танков до зала, где есть даже запах Первой мировой. Но что касается СССР, то он представлен всего одним стендом. На нем – портрет Сталина 12 на 16 сантиметров да погон маршала Жукова – и все. Больше ничего нет.

Зато Муссолини и Гитлеру отведено несколько залов. При нас учительница привела в музей класс, ребята слушают педагога и записывают. Причем преподаватель строго следит за тем, чтобы никто не отлынивал. Это означает, что изучение истории в Англии не брошено на самотек. А у нас в стране этим зачастую занимаются абы как. За что члены клуба должны нести хотя бы моральную ответственность. Или, наоборот, брать ответственность на себя. Однако этого мы не можем сделать, поскольку находимся, так сказать, вдали от тех рычагов власти, которые управляют данными процессами. Но мы тем не менее обязаны предпринимать все возможное для того, чтобы исправлять положение.

Есть на то еще одна причина. Сколько насчитывается нынче в России участников Великой Отечественной? В прошлом году называли цифру 700 тысяч, сегодня уже – только 400 тысяч. У нас в клубе осталось 49 фронтовиков. И это из тысячи с лишним человек. Вот уйдет поколение ветеранов той войны, унесет с собой все увиденное, пережитое, и некому будет рассказывать, как сражалась с врагом – умелым и отлично оснащенным, дисциплинированным и стойким в бою – Красная армия. Недопустимо, чтобы ее подвиг был забыт, вычеркнут из памяти народов России.

Предлагаю построить работу «круглого стола» следующим образом. Вначале предоставим слово Михаилу Михайловичу Ходаренку. Он обозначит ряд нераскрытых, на его взгляд, вопросов обсуждаемой темы. Затем доклад в пределах 30–35 минут сделает Махмут Ахметович Гареев, после чего – выступления участников заседания.

Анатолий Куликов,

генерал армии, президент Клуба военачальников РФ

Не ответим мы – ответят другие

Если мы на нашем форуме не сформулируем ответы на некоторые достаточно острые вопросы отечественной истории, касающиеся 22 июня и непосредственно предшествующего этому дню периода, то по большому счету, прошу прощения за некоторую резкость, зря мы тогда собирались. Эти проблемы так или иначе поднимаются разными авторами и исследователями. Обозначить на них ответы в ходе сегодняшней работы мне представляется крайне желательным. Сразу скажу, что я лично пока не являюсь сторонником ни одной из существующих ныне версий. Соответствующих документов, относящихся к первой половине 1941 года, я не видел. И в лучшем случае могу сформулировать лишь ту или иную гипотезу.

Требуется исходная точка

Начать надо, наверное, с вопроса: а что же явилось, собственно говоря, поводом к войне 1941–1945 годов? Казус белли, несомненно, имел место. Есть версия, что в ноябре 1940-го, во время визита Вячеслава Молотова в Берлин, Германия и СССР предприняли очередную попытку разделить сферы влияния. Переговоры завершились неудачей. А ведь шанс, что СССР станет новым членом оси Берлин – Рим – Токио, был более чем реален. Однако на сей раз прийти к согласию, как в августе 1939 года, сторонам не удалось. Стало совершенно очевидным, что разрешить возникшие острые противоречия можно будет только в ходе военных действий. После этого Германия и СССР одновременно и до определенной степени стремительно начали готовиться к войне. Подчеркиваю – как Третий рейх, так и Советский Союз.

Лично я считаю товарища Сталина человеком, абсолютно не зараженным марксистско-ленинским романтизмом и тем более пролетарским интернационализмом. Главной целью вождя всех народов являлось отнюдь не установление власти рабочих и крестьян в Европе. Это все от лукавого. Сталин, по моему мнению, был реальным, жестким (если не жестоким) политиком и геостратегом. Все его действия, как правило, проникнуты железной логикой. И чтобы понять суть происходившего на протяжении полугода – до 22 июня 1941-го, надо, думается, руководствоваться в первую очередь этим. Дилемма, которая стояла перед Сталиным, формулировалась следующим образом: он вступает во Вторую мировую войну или на своих условиях, или на условиях противника. Я только предполагаю, что фактически главный руководитель СССР остановился на первом варианте.

“ Должно существовать документально зафиксированное решение на переброску пяти армий в западные особые военные округа. Но где оно, это решение ”

Далее. После того как гипотетическая угроза войны превратилась в реальность, к ней началась подготовка с обеих сторон. Опять-таки подготовка, измеряемая абсолютно

реальными величинами. Позволю себе повториться: или мы на эти острые вопросы отвечаем, или по-прежнему везде и всюду будет продолжена генерация разного рода гипотез, домыслов, слухов, версий.

Как известно, в конце декабря 1940 года прошло совещание высшего руководящего состава Красной армии. После чего наверняка можно было сделать выводы, как примерно РККА собирается действовать в будущей войне, ибо состоялось оглашение взглядов верхнего эшелона власти на характер предстоящего вооруженного противоборства.

Вслед за этим совещанием в январе 1941-го были проведены две стратегические командно-штабные военные игры. По поводу них и сегодня очень много спекуляций. Почему? Потому что мало кто видел графическую и текстовую части обеих игр, тем более материалы разбора. Значительная часть этих документов и поныне закрыта от исследователей. Ну а коли закрыта, значит, сразу возникают версии и гипотезы.

Практически всю первую половину 1941 года напряженно шло стратегическое планирование. Опять-таки, чтобы стратегическое планирование приняло какие-то законченные юридические рамки, что нужно? Решение высшего военно-политического руководства страны. Требуется какая-то исходная точка. Это либо «Указания по стратегическому планированию», либо соответствующие «Соображения...» Но такой документ непременно должен быть.

В нем необходимо определить цели, задачи, характер предстоящих военных действий. Или как вы себе это представляете? Разработка, например, планов первых операций или мобилизационного плана 1941 года началась на основе устных указаний товарища Сталина, высказанных на его даче во время обеда? Этого не может быть, поскольку этого не может быть никогда. Документы стратегического планирования разрабатываются только на основании письменных указаний первых лиц государства.

Вот хоть один человек из присутствующих на «круглом столе» держал в руках эти указания по стратегическому планированию? Наверное, нет. А ведь это именно та исходная точка, та печка, от которой должен плясать любой военный историк, исследующий события конца 1940 – первой половины 1941 года.

Однако продолжу. В советские времена изобрели своеобразный язык, отлично служивший для маскировки сути происходящих явлений. Так, во всех исторических трудах времен исторического материализма говорится, что «под видом больших учебных сборов в Красную армию были призваны более 800 тысяч человек». На самом деле на языке Генерального штаба это называется несколько по-другому, а именно – частичная мобилизация, проведенная распорядительным порядком.

Чтобы подобное мероприятие осуществить, опять-таки нужно решение высшего руководства страны. Приложениями к этому решению должны быть соответствующие план, график, сроки подачи мобресурсов, кого укомплектовывать в первую очередь, куда направлять, на территории каких военных округов проводить призыв, какие категории граждан ставить под ружье и каких возрастов. Думаю, и этих документов в руках никто из присутствующих не держал.

Здесь нельзя не вспомнить известный рассказ о том, что генерал армии Жуков и маршал Тимошенко, в ту пору – начальник Генштаба и нарком обороны, посетили Сталина с предложением утвердить их знаменитую записку от 15 мая, а Иосиф Виссарионович ее возмущенно и с негодованием отклонил. В этом вопросе, позволю себе повториться, я не придерживаюсь никакой версии. Почему? Потому что не видел ни одного документа, который подтверждал бы или опровергал описываемые события. Мне, например, трудно сказать – так это было или не так.

Остановимся для начала на версии, что планы первых операций от 15 мая, представленные Жуковым и Тимошенко, Сталин отклонил. И даже якобы заявил: «Вы провоцируете немцев, если я соглашусь с вашей запиской, начнется война». Это ничем, кроме воспоминаний Жукова, не подтверждается.

Получается, Сталин возмущился, одной рукой отклонил записку от 15 мая 1941-го, а другой, причем практически тут же, утвердил решение на стратегические перегруппировки. В советской исторической литературе это явление почему-то не называется стратегическими перегруппировками, а именуется выдвиганием либо глубинных корпусов, либо армий второго эшелона. Позволю себе вновь повториться – это в очередной раз проявление птичьего языка советской историографии.

А на самом деле выдвигание пяти армий (не менее 700 тысяч бойцов и командиров с соответствующими запасами материальных средств) к западным границам СССР можно именовать только одним термином – стратегические перегруппировки (причем как часть стратегического развертывания, осуществлявшегося в стране весной и в начале лета 1941 года). Должно существовать документально зафиксированное решение на переброску пяти армий в западные особые военные округа. Но опять-таки – где оно, это решение? Где текст, карта, схемы, графики? Где бумаги, в которых указаны цели и задачи перегруппировки? Кто держал в руках эти документы из присутствующих?

Железное информационное правило

24 мая 1941 года собирается необычайно представительное совещание, на которое товарищ Сталин и его ближайшие соратники вызвали высших военачальников Вооруженных Сил СССР, руководителей Наркомата обороны и Генерального штаба. О чем они там говорили? Никто не знает.

Однако подозреваю, что это мероприятие состояло из двух частей. Вначале было оперативное ориентирование о предстоящих оперативных и боевых задачах (назову его даже большое оперативное ориентирование). Затем – утверждение планов первых операций. Разумеется, это лишь моя версия.

Или же присутствующие полагают, что Иосиф Виссарионович организовал столь внушительный форум лишь для того, чтобы публично заявить, что он отклонил дерзкие предложения товарищей Тимошенко и Жукова? Вряд ли.

И потом, обратите внимание на даты. 24 мая Сталин пообщался с маршалами, генералами и адмиралами, а уже 27-го того же месяца принимается решение о выдвигании управлений западных особых округов на полевые пункты управления. Это яснее ясного говорит о характере проведенного совещания.

И опять-таки вряд ли все это делалось без каких-то ясно обозначенных целей. И уж конечно, на полевые пункты управления (расположенные вблизи государственной границы) выходят не ради отражения агрессии. В этом случае штабы занимают заранее оборудованные в инженерном отношении еще в мирное время командные пункты.

Одна деталь. В Красной армии была принята пакетная система приведения в боевую готовность. Что находилось в пакетах, которые лежали в сейфах командиров и командующих в приграничных военных округах? Какого цвета были пакеты? По какому сигналу они должны вскрываться? Ничего толком и до сих пор неизвестно.

Очень даже неясно и поныне, что происходило непосредственно в Наркомате обороны и Генеральном штабе 21 июня и в первую половину дня 22 июня. Документальных свидетельств нет и в настоящее время. Воспоминания Жукова не могут служить в этом плане надежным источником.

Нет ни одной приличной гипотезы, объясняющей тот факт, что мобилизационная телеграмма была отправлена из Москвы только в 16.20. Война же была объявлена, как известно, в 4.00.

Как мы только касаемся этих вопросов, выясняется, что никто с соответствующими документами незнакомился. Ну допускаю, что их где-то и когда-то читали единичные люди на самом высшем уровне. Но если мы не сформулируем ясные ответы или какую-то понятную гипотезу, то будет абсолютно непонятно, почему события 22 июня 1941 года происходили именно по этому сценарию, а не по какому-либо другому.

Пока не раскрыты многие страницы летописи Великой Отечественной, судить о ней, толковать на свой лад ее причины, ход и исход берутся люди, отнюдь не заинтересованные в объективном анализе противоборства между СССР и нацистской Германией вкупе с сателлитами Гитлера. Кстати, труды этих «исследователей» издаются и у нас в стране, и за рубежом да еще впечатляющими по сегодняшним меркам тиражами.

Есть железное информационное правило. Если ты не сказал о факте первым, ты, считай, уже проиграл информационное сражение. Потому что оправдывающийся всегда виноват. Изложенная ранее версия уже овладела умами людей. Она становится, как говорили классики, материальной силой. И оппонент, приводящий какие-то аргументы и контраргументы, зачастую априори побежден.

[Михаил Ходаренок](#),

главный редактор газеты «Военно-промышленный курьер»

Истоки наших неудач и одержанной в последующем победы

С давних времен известна отчужденность, а временами и враждебность, испытываемая Западом по отношению к России. Свидетельством тому – походы Тевтонского ордена, которым противостоял еще Александр Невский, постоянное открытое и скрытое вмешательство во внутренние дела нашей страны, поддержка извне любой смуты в Российском государстве. Запад, пользуясь зависимостью от него России, втянул ее в Первую мировую войну. Причем это была война за совершенно чуждые ей интересы с конечной целью расчленив и вывести нашу страну из разряда великих держав.

Правильно понять и объективно оценить

Но Первая мировая, как и предыдущие войны, не разрешила противоречий между ведущими капиталистическими державами, а навязанный Германии крайне несправедливый Версальский договор еще больше обострил их. В дополнение к этому Октябрьская революция в России и возникновение первого в мире государства рабочих и крестьян начали подрывать сами устои капиталистического мира, создали еще один узел противоречий на международной арене, предопределили общую враждебность империалистических государств по отношению к нашей стране. Предопределенность к экспансии на восток была прежде всего глубоко заложена в германской политике и идеологии фашизма, изложенной в книге Гитлера «Моя борьба».

Именно с учетом этого международный капитал и господствующие круги США, Англии, Франции, Италии помогали приходу Гитлера к власти, отменяли установленные для Германии версальские ограничения, способствовали наращиванию ее экономической и военной мощи. Главная их общая цель состояла в том, чтобы разгромить руками Гитлера Советский Союз и одновременно максимально возможно ослабить Германию и установить свое господство в Европе и мире.

Без учета и уяснения всего этого невозможно правильно понять и объективно оценить сложнейшую обстановку, сложившуюся в Европе в конце 30-х годов, те решения и действия, которые вынуждены были предпринимать политическое руководство и военное командование СССР по предотвращению войны и организации обороны страны.

В этой неустойчивой военно-политической обстановке особенно важно было учитывать позицию США. В мае 1941 года на совещании начальников штабов президент Рузвельт говорил: если Сталин не спровоцирует нападение Германии, то Соединенные Штаты поддержат СССР. В противном случае они не будут вмешиваться. Это заявление стало известно Сталину.

В свете этого все рассуждения и версии насчет того, что Сталин готовил нападение на Гитлера, а последний просто опередил его или что Советский Союз вместе с Германией намеревался воевать с Англией и будто бы Гитлер в последний момент просто передумал и повернул против Сталина – такие надуманные предположения являются совершенно несостоятельными.

В сложившейся обстановке Советский Союз не только не мог позволить себе наносить какие-либо упреждающие удары, но и вынужден был принимать все возможные и невозможные меры для того, чтобы не дать какого-либо повода для провоцирования войны.

СССР и его Вооруженные Силы еще не были готовы к отражению крупномасштабной агрессии. Только в 1939 году в стране ввели всеобщую воинскую обязанность и численность РККА в короткие сроки (за 1,5–2 года) увеличилась с 1–1,5 миллиона до 5

миллионов человек. За столь непродолжительный период было практически невозможно оснастить армию и флот всеми необходимыми материально-техническими средствами, подготовить кадры, обучить войска (особенно только что сформированные танковые, механизированные и авиационные части), организовать систему управления и связи. Кроме того, после присоединения к СССР Западной Украины, Западной Белоруссии и прибалтийских республик предстояло устраивать в новых районах базирования всю группировку войск, ВВС, силы флота, органы снабжения, организовать строительство укрепленных районов.

Перестраховка оказалась не напрасной

С учетом того, что Англия и Франция фактически отказались поддержать предложения СССР о создании системы коллективной обороны против фашистской Германии и чтобы не оказаться в полной международной изоляции, пришлось пойти в 1939 году на подписание предложенного Германией договора о ненападении.

Заключение этого вынужденного, но необходимого соглашения давало возможность в какой-то мере отсрочить гитлеровскую агрессию, расстроить планы скоординированного выступления против нашей страны Германии и Японии (она переориентировала свою экспансию на юго-восток), затруднить блокирование западных стран с Германией против Советского Союза, отодвинуть на 250–300 километров исходные рубежи предстоящей гитлеровской агрессии, в целом занять более выгодное геополитическое положение и выиграть дополнительное время для подготовки к ее отражению.

Осложняло и запутывало обстановку то обстоятельство, что фашистским руководством проводилась широкомасштабная изоциренная дезинформация. Продолжала имитироваться подготовка к высадке германских войск на территории Англии. Германией было выдвинуто предложение о проведении международного совещания по безопасности в Европе. Сосредоточение крупных группировок вермахта объяснялось интересами ведения войны в Югославии и Греции, необходимостью увести соединения из-под ударов британской авиации.

Правда, поступали разведдонесения о возможном нападении Германии. Но не меньше приходило информации противоположного характера. Так, посол СССР в Лондоне Майский за несколько дней до 22 июня 1941-го докладывал, что Гитлер может пойти против Советского Союза только после окончания войны с Англией. Аналогичный вывод сделал начальник Главного разведывательного управления Голиков.

Вообще распространенный в ту пору стереотип насчет невозможности ведения войны Гитлером одновременно на двух фронтах был надуманным. В отличие от Первой мировой в 1941 году никаких двух фронтов в Европе у Германии по существу не имелось. После поражения англо-французских войск в 1940-м Великобритания, находясь за Ла-Маншем, континентальной угрозы для Третьего рейха не представляла.

В Москве полагали, что перед тем, как развязать войну, Берлин выдвинет какие-нибудь ультимативные требования. Сталин, будучи уверенным, что ему все же удастся оттянуть начало агрессии, поручил ТАСС опубликовать 13 июня сообщение, в котором выражалась уверенность: Пакт о ненападении будет продолжаться соблюдаться как советской, так и германской стороной. Оно было сделано с целью политического зондажа. Но командованиям военных округов, руководителям республик никаких объяснений на этот счет не последовало, что дезориентировало и общество, и личный состав армии и флота СССР.

На Сталина и советское военное командование быстрое поражение англо-французских, голландских и бельгийских войск в мае-июне 1940 года произвело ошеломляющее впечатление. В Москве рассчитывали, что война на Западе продлится если не несколько лет, то хотя бы пять-шесть месяцев. После всего того, что случилось, Сталину приходилось маневрировать на очень тонком и остром лезвии военно-политической обстановки.

Совершенно ясно: если бы Советский Союз предпринял хоть малейший шаг (например наращивание войск у границы), который мог быть истолкован как попытка напасть на Германию (или, как пишут резуны, нанести упреждающий удар), США и Англия отвернулись бы от нас и создание антигитлеровской коалиции затруднилось бы. Возможно, она возникла бы значительно позже и положение нашей страны еще более осложнилось.

Сталин в чем-то, видимо, переборщил, перестраховался, по существу принес в жертву боевую готовность Вооруженных Сил СССР, но он до конца стремился к тому, чтобы не дать повода для обвинения нашей страны в провоцировании войны. В конечном счете советский руководитель в определенной мере добился своей цели: не дал возможности с самого начала расстроить создание антигитлеровской коалиции, а сама объективная действительность и интересы народов вынудили США и Англию стать союзниками нашей страны.

В результате государства, которые толкали Гитлера на восток и хотели уничтожить СССР, вопреки своим прежним устремлениям оказались на стороне Советского Союза и всех тех, кто боролся с фашизмом. Несмотря на значительные военные издержки, это обстоятельство было огромным достижением внешней политики СССР, во многом предопределило ход и исход Второй мировой войны.

Следствие просчета

Формально теоретически, видимо, многое можно было сделать с меньшими издержками, обеспечить более высокую боевую готовность Вооруженных Сил, не ставить их в такие неравные с противником условия, как это случилось в 1941 году. Во всяком случае при всех обстоятельствах не следовало оставлять соединения первого эшелона на положении мирного времени, когда противник уже развернул боевые порядки. Перед передним краем полос обороны дивизий первого эшелона требовалось установить минные поля и другие заграждения. Или, например, предпринять все необходимые меры, чтобы взорвать пять стационарных мостов в районе Бреста, доставшихся противнику целыми.

И это, конечно, произошло не потому, что, как иногда утверждается, мы собирались не обороняться, а наступать. Нет, согласно всем имеющимся оперативным документам наши войска вначале должны были отразить вторжение противника, а затем перейти в наступление.

К сожалению, начиная от Генштаба и кончая соединениями, не был надлежащим образом продуман и отработан порядок действий на тот случай, когда противник уже отобилизован и сосредоточенными на направлениях главных ударов группировками переходит в наступление против наших войск, которые еще до конца не отобилизованы, не приведены в полную боевую готовность и не развернуты в боевые порядки.

Вместе с тем надо объективно рассматривать все аспекты стоявших тогда оборонных задач и особую специфику начального периода войны. Необходимо учитывать, что

сталкивались интересы не только двух противостоящих государств, но и ряда других держав, которые при определенных обстоятельствах могли стать и союзниками, и врагами. Для нашей страны невозможно было делать крен исключительно на военную сторону дела при всей ее важности. Так мы могли выиграть какие-то приграничные сражения, но с точки зрения военно-политической обстановки в целом столкнуться с несравненно худшими условиями ведения вооруженного противоборства.

Таким образом, ставка на то, чтобы не спровоцировать войну, оказалась в целом оправданной. И основные причины наших бедствий заключались не в том, что решения и действия были подчинены интересам предотвращения агрессии, а в просчетах военно-политического руководства страны относительно сроков нападения на Советский Союз.

Сталин полагал, что в 1941 году войны удастся избежать, и различными политическими маневрами стремился оттянуть ее начало на 1942-й. Но нельзя было однозначно ориентироваться только на такой вариант, не предусматривая другие решения, если обстановка будет развиваться не в соответствии с нашими желаниями. При всех обстоятельствах важно не только перечислить наши упущения, назвать причины неудач или объявить, кто в этом виноват, но постараться понять, объективно разобраться, почему и под влиянием каких условий и факторов приходилось действовать именно таким образом. Только тогда можно будет извлечь должные уроки из прошлого.

Когда в исторических трудах справедливо отмечают, например, что соединения и части не были доукомплектованы личным составом и техникой до штатов военного времени, новые образцы танков и самолетов распылены, а не направлены для формирования хотя бы нескольких боеспособных соединений, полевая и зенитная артиллерия оторвана от своих дивизий и отправлена на полигоны, и о многих других подобных упущениях, то при отвлеченном подходе к этим вопросам в отрыве от конкретных условий, в которых подобные решения принимались, все это выглядит как сплошная, ничем не объяснимая глупость, безответственность и головотяпство. Но ведь сознательно, специально, заведомо глупых решений никто не искал...

Стремясь оттянуть начало войны и не спровоцировать ее, не предпринимали мобилизацию, поэтому остались неукомплектованными соединения. Раздали по 10–15 новых танков и самолетов вновь формируемым танковым и авиационным дивизиям, чтобы они хоть как-то могли начинать осваивать эту технику. И артиллерию вывели на полигоны, потому что сформировали много новых артиллерийских частей, а с приходом в Западную Белоруссию и на Западную Украину они еще ни разу не стреляли. И многое другое делалось исходя из того, что время еще есть.

Но времени, на которое рассчитывали, как раз и не оказалось. Ибо Гитлер тоже понимал, что оно работает против него и нужно нападать в середине 1941 года, так как потом будет уже поздно. Это между прочим довольно распространенная в истории ошибка, когда руководители забывают, что международное противоборство, война – явление двустороннее, поэтому события не могут развиваться только так, как вы хотите, ваш недруг всегда будет стремиться делать то, чего вы меньше всего ожидаете.

Справедливости ради надо сказать, что накануне войны, особенно в мае-июне 1941 года, нарком обороны и начальник Генштаба неоднократно предлагали привести войска в боевую готовность, но все их инициативы отвергались. Попытки командующих военными округами что-либо сделать по своим решениям жестко пресекались. Командир 125-й стрелковой дивизии генерал Богайчук 18 июня доложил командующему Прибалтийским военным округом, что немцы изготовились к нападению и могут предупредить наши части в

занятии укрепленных позиций. Он просил дать указание, как этого не допустить, или дать ему право самому принять неотложные меры. Комдив получил ответ: «Больше выдержки. Силы и средства у вас есть. Крепко управлять. Не нервничать...» Командир артиллерийского полка 10-й армии 17 июня 1941 года на партсобрании сказал: «Может быть, это наше последнее собрание в мирных условиях». Его обвинили в панических настроениях и арестовали.

Несмотря и вопреки

Не способствуют прояснению истины и бытующие в исторической литературе стереотипы. Например, говорят: вот, мол, в Одесском военном округе по инициативе начальника штаба Захарова (будущего маршала) авиацию своевременно рассредоточили, войска привели в боевую готовность и поэтому больших потерь не понесли. Конечно, такая инициатива должна служить примером. Но в полосе Южного фронта не было таких массированных ударов, как на Западном или Юго-Западном фронтах, и противник на этом направлении перешел в наступление через несколько дней после начала войны. Если бы даже не были приняты указанные выше меры, результат оказался бы таким же. Поэтому сегодняшние рассуждения некоторых историков о том, что следовало на всех уровнях проявлять инициативу, не учитывают реально существовавшую в то время атмосферу.

Реально в 1941 году военно-политическое руководство лишь к исходу 21 июня приняло решение, направленное на частичное приведение пяти приграничных военных округов в боевую готовность. Но Сталин все еще надеялся, что нападения не произойдет. Директива по существу не давала разрешения на ввод в действие плана прикрытия в полном объеме. В ней предписывалось «не поддаваться ни на какие провокационные действия». К тому же она была получена, когда война уже началась.

В результате большинство соединений в ходе боевых действий и под массированными ударами авиации и артиллерии противника стали выдвигаться к госгранице навстречу его наступающим танковым группировкам, не успев занять назначенных рубежей в приграничной зоне. Из 57 дивизий, предназначенных для прикрытия границы, только 14 расчетных, или 25 процентов выделенных сил и средств, смогли выйти в определенные им районы – и то в основном на флангах советско-германского фронта. Построение обороны было рассчитано лишь накрытие границы, а не на ведение оборонительной операции с целью отражения наступления превосходящего противника.

Идея непереносимого перенесения войны в самом ее начале на территорию врага (причем идея не обоснованная ни научно, ни анализом конкретной обстановки, ни оперативными расчетами) настолько увлекла некоторых руководящих военных работников, что возможность ведения боевых действий на своей территории практически исключалась. Все это отрицательно сказалось на подготовке не только обороны, но и в целом ТВД в глубине своей территории. До войны недостаточно четко была продумана организация управления в стратегическом звене.

Слабость стратегического руководства фронтами в начале войны пытались компенсировать созданием в июле 1941-го главных командований Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений, но это еще больше усложнило управление войсками и вскоре от главкоматов пришлось отказаться.

Во всех звеньях была слабо организована связь, особенно с помощью радиостанций. А поскольку проводная связь на фронтах, в армиях, дивизиях была нарушена противником в первые же часы войны, это в ряде случаев привело к потере управления войсками.

Однако несмотря на глубокое продвижение и захват обширных территорий, противнику в 1941 году не удалось полностью разгромить РККА и лишить ее способности к сопротивлению. Вермахт и армии государств – сателлитов Третьего рейха понесли серьезный урон. В конечном счете удалось остановить наступление противника. К моменту окончания Московской битвы только сухопутные войска Германии потеряли более 1,5 миллиона человек – почти в пять раз больше, чем в кампаниях в Польше, Северо-Западной и Западной Европе, на Балканах в 1939–1941 годах. К тому же немцы лишились основной массы танков и самолетов.

В целом, несмотря на то, что просчеты лидеров СССР той поры поставили государство и Вооруженные Силы в критическое положение, в чрезвычайной обстановке начального, самого трудного периода войны наша страна выстояла. Многие руководители в центре и на местах, миллионы и миллионы советских людей приложили огромные, поистине героические усилия, чтобы укрепить армию и перестроить экономику на военный лад, эвакуировать более 1500 промышленных предприятий на восток и организовать их работу в новых районах.

Не соответствуют действительности измышления Марка Солонина о том, что советский народ в начале войны не хотел воевать и только позже, осознав угрозу фашистского порабощения, начал сопротивляться врагу. Стойкость и героизм десятков, сотен тысяч красноармейцев и командиров, примеры обороны Брестской крепости, боев в районе Владимира-Волынского, Перемышля, Могилева, Одессы и Севастополя, на многих других участках советско-германского фронта опровергают эти наветы. Войска приобретали опыт и закалялись.

Красная армия в 1941 году преодолела чудовищные трудности, выпавшие на ее долю, она сама не раз наносила чувствительные удары вермахту и наконец развеяла миф о его непобедимости. Решающее значение для начала перелома в ходе войны имел разгром немецко-фашистских войск под Москвой. Накануне 1942 года гитлеровской Германии предстояло по существу начинать совершенно иную, новую фазу вооруженного противоборства, которую ее правящая верхушка не предусматривала. Все это создавало предпосылки будущих наших побед.

[Махмут Гареев](#),

генерал армии, президент Академии военных наук

Продолжение читайте в [№ 33, 2011 г.](#)

[Опубликовано в выпуске № 31 \(397\) за 10 августа 2011 года](#)

До и после 22 июня – как это было — часть II <http://vpk-news.ru/articles/8074>

// [Федор Ладыгин](#), [Евгений Малащенко](#), [Владимир Михалкин](#), [Олег Ржешевский](#)

Продолжение. Начало [читайте в № 31, 2011 г.](#)

Публикуем продолжение дискуссии, состоявшейся в Клубе военачальников Российской Федерации. Разговор за «круглым столом» шел о трактовке событий, которые происходили накануне нападения нацистской Германии на Советский Союз, и причинах тяжких поражений Красной армии в первых сражениях с вермахтом. В беседе приняли

участие президент Академии военных наук, доктор военных и исторических наук генерал армии Махмут Ахметович Гареев, президент Российской ассоциации историков Второй мировой войны, вице-президент Международного комитета истории Второй мировой войны, доктор исторических наук, академик РАЕН Олег Александрович Ржешевский, маршал артиллерии Владимир Михайлович Михалкин, бывший начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии Владимир Николаевич Лобов, бывший начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал-полковник Федор Иванович Ладыгин, генерал-лейтенант Евгений Михайлович Малашенко, генерал-лейтенант Леонид Михайлович Хохлов, генерал-лейтенант Александр Николаевич Карпов, генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич Нефедов, генерал-майор Герман Васильевич Кириленко, полковник Валерий Викторович Абатуров, Михаил Вячеславович Морозов, главный редактор газеты «ВПК» Михаил Михайлович Ходаренок. Руководил работой «круглого стола» президент Клуба военачальников генерал армии Анатолий Сергеевич Куликов.

Яндекс [Директ](#)

Наши войска готовились к обороне

С гитлеровской стратегией слома существующих европейских границ и броска на восток, как мне представляется, все ясно. Еще в 1925 году Гитлер в *Mein Kampf* заявил, что его цель – захват России и расширение за счет ее территории жизненного пространства Германии. Таким образом, агрессивность гитлеризма была с самого начала продекларирована явно, она нисколько не скрывалась. И сегодня история подтверждает, что партайгеноссе вынашивали планы нападения на Советский Союз едва ли не с первого дня прихода к власти. В этом, можно сказать, заключался смысл существования фашистского государства.

Документы свидетельствуют

Теперь посмотрим, как обстояло дело с военными приготовлениями у нас. Хорошо известно, что когда Семен Тимошенко принимал должность наркома обороны, то в акте о приеме-сдаче должности говорилось: плана войны у нас никакого нет. Это документальный факт, оспорить который невозможно. Соответствующий документ был разработан только в октябре 1940 года как ответ на слишком очевидные приготовления гитлеровцев к нападению на СССР.

О чем же говорится на этих пожелтевших от времени страницах? Оказывается, речь шла о прикрытии нашими войсками государственной границы и развертывании Вооруженных Сил. И только затем намечалось проведение наступательных операций. Таким образом, план, разработанный в октябре 1940 года и тогда же утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б), имел задачу, повторяю, отразить нападение Германии и быть готовыми к переходу в наступление. Спрашивается: где здесь приготовление к агрессии?

В соответствии с политической конъюнктурой документ подвергся переработке в первой половине 1941 года. Теперь намечалось, что основные усилия нашей армии будут сосредоточены на юго-западном направлении и главный удар планировалось нанести в направлении Люблина, Кракова, далее на Братиславу. Предполагался выход к реке Одер. Иначе говоря, документально подтверждается, что Советский Союз не преследовал цели захвата чужих территорий, а готовился к отражению германской агрессии путем расчленения крупных группировок вермахта. Контрударами предполагалось отрезать Германию от ее союзников на Балканах.

Наконец, третий вариант был разработан в мае 1941 года. Ввиду того что Германия к тому времени имела отмобилизованные и находящиеся в высокой степени боевой готовности войска, Георгий Жуков и Семен Тимошенко предлагали развернуть наши Вооруженные Силы и нанести упреждающий удар. Но Сталин, как уже говорил в своем докладе Махмут Ахметович Гареев, боялся, что мы будем втянуты в войну с Германией, чего стремился всячески избежать. И он не дал согласия на подобные меры, указав при этом: мобилизация, развертывание частей и соединений вблизи государственной границы будут фактически началом военных действий, что явилось бы безусловным поводом для объявления войны Советскому Союзу.

Из сказанного следует: никаких намерений нанести превентивный удар, о чем пишут Виктор Суворов и Марк Солонин, не существовало в природе. Рассуждения о том, что СССР готовился к агрессии и виновен в развязывании очередного этапа Второй мировой войны, абсолютно беспочвенны. Попросту говоря, это наглая ложь.

Вся Европа к тому времени лежала под фашистским сапогом. О каком развязывании войны с нашей стороны могла идти речь? В ту пору мы готовились только к тому, чтобы суметь отразить нападение Германии, неизбежность которого с каждым днем становилась все очевиднее.

Задача ставилась одна – сдержать агрессора

Что касается Договора о ненападении 1939 года, то да, частично он способствовал свободе рук Германии на западе, позволяя не опасаться удара с востока. Но давайте не забывать, что благодаря договору мы избежали международной изоляции и отвели угрозу создания единого фронта Германии с Францией и Англией против Советского Союза. Кроме того, соглашение позволило вернуть земли, отторгнутые в ходе Гражданской войны.

Теперь о решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 мая 1941 года о проведении частичной мобилизации под видом больших учебных сборов, которое можно найти в приложениях к

«Соображениям по стратегическому развертыванию», разработанным А. М. Василевским. Дескать, это одно из свидетельств о намерении СССР напасть на Германию.

Думается, нужно быть совершенно недобросовестным, чтобы увидеть такие приготовления в частичном приведении Военно-воздушных сил в боевую готовность или в выдвижении стратегических резервов на рубеж реки Западная Двина. Все это делалось с единственной и очевидной всякому здравомыслящему человеку целью – усилить нашу готовность к отражению удара немцев.

Скажем еще раз со всей определенностью: в нашем плане войны речь шла о развертывании Вооруженных Сил, то есть о прикрытии войсками государственной границы, отражении удара и переходе в наступление после осуществления полной мобилизации. Таковы факты.

олаж Андрея Седых

Посмотрим, как план осуществлялся на практике. Частичные меры были приняты лишь в 1941 году. Так, 22 июня подписана исходившая из наметок об упреждающем ударе Директива № 3 о нанесении концентрических ударов на юго-западном направлении, в направлении на Люблин и Сувалки. На практике выполнение директивы способствовало дезорганизации фронтов. Документ абсолютно не учитывал обстановку, которая сложилась к исходу того дня. Немцы развивали наступление. Наши войска, толком еще не приведенные в боевую готовность, двигались навстречу. Попав под хорошо организованные удары противника, советские соединения и части были частично уничтожены, частично рассеяны.

В дальнейшем наши действия сводились по сути дела к затыканию образовавшихся в обороне брешей. Под Смоленском вновь пытались перейти в контрнаступление. В этих целях сосредоточили 150 дивизий, но успеха так и не достигли.

Поэтому не соответствует действительности утверждение о том, что до 22 июня 1941 года в своих планах мы преследовали цель захвата Германии. Задача у нас была одна – отразить нападение противника, разгромить немецкие войска и изгнать захватчиков с наших земель. Что же касается помощи странам Восточной Европы в разгроме фашизма, то такие задачи тогда не ставились. Они возникли уже в ходе соответствующих кампаний 1943–1944 годов. А до этого у Вооруженных Сил Советского Союза была, повторю еще раз, единственная задача – отразить нападение противника, разгромить немецко-фашистские войска и отбросить их за пределы страны.

Истина в приукрашивании не нуждается

В многотомной истории Великой Отечественной войны пишут, что советские части организованно осуществляли отход, отмечалось высокое морально-политическое состояние войск, налицо был массовый героизм. Факты свидетельствуют о другом. И героизм не был массовым, и воевали мы, надо откровенно сказать, поначалу плохо.

Иначе чем можно объяснить, что за первые полгода войны четыре миллиона наших бойцов и командиров попали в плен. Приходится откровенно сказать, что многие наши командиры элементарно не умели воевать.

Сегодня в ходу разного рода легенды о том, что якобы генералы РККА изменили, участвовали в заговорах. И будто не немецкая военная мощь и умение воевать заставили нас отступать, а предательство военачальников, которые намеренно отступали и чуть ли не склады с вооружением и боеприпасами немцам передавали.

Все это досужие выдумки, ничего этого и близко в действительности не было. Генерал Власов здесь печальное и едва ли не единственное исключение.

Хочется сказать также о том, как сегодня освещается ход Великой Отечественной войны. Незнание фактов, некомпетентность, поспешность в суждениях, к сожалению, уже мало кого удивляют. Вот тот же Алексей Пивоваров не знает, что Ржев входил в полосу наступления Калининского фронта, и утверждает, что Георгий Жуков под Ржевом миллион наших бойцов положил. Во-первых, Иван Конев командовал тем фронтом, не Жуков. Во-вторых, конечно, вина Жукова за провалы зимнего наступления, за неудачные воздушно-десантные операции, безусловно, есть. Но надо быть все же точнее.

К сожалению, и новый 12-томник о Великой Отечественной войне нередко грешит неточностью, отличается все тем же старым подходом. Разве что Олег Ржешевский дал новые оценки Пакту о ненападении, созданию антигитлеровской коалиции. И это практически все перемены.

Да вот возьмем для примера хотя бы Курскую битву. Авторы пишут: «Эффективная артиллерийская контрподготовка». Затем далее: «Успешные действия 5-й танковой армии Ротмистрова». Такие оценки, к сожалению, далеки от истины. В действительности артиллерийская подготовка была проведена преждевременно, неэффективно, по пустым местам. Никаких целей практически не достигла. Немцы разве что на час перенесли наступление. И то вряд ли по причине контрподготовки.

Теперь о Ротмистрове. Армия под его командованием сколько-нибудь большой роли не сыграла. Никакого встречного танкового сражения не имела. Немцы из тяжелых танков и самоходных орудий, находясь в обороне, за короткий промежуток времени нанесли ей тяжелейшие потери. Фактически армия Ротмистрова перестала существовать.

Таких примеров со старыми, недостоверными оценками более чем достаточно. Вот, к примеру, пишет один из авторов: «8-я гвардейская дивизия (*где он недолгий срок служил в должности командира роты.* – Е. М.) уничтожила в годы войны 65 тысяч немцев». Ну что за ересь?

Прикинем: у нас в годы войны было свыше 500 стрелковых дивизий, около 200 авиационных дивизий, свыше 200 артиллерийских бригад... Другими словами, одних боевых частей и соединений, включая танковые, у нас, по самым приблизительным оценкам, насчитывалось около четырех тысяч. Да если бы каждая из них уничтожила хотя по одной тысяче немцев, то и война к 1943 году закончилась бы. А может, и того раньше. Нельзя историкам и военачальникам проявлять столь легковесный подход. Это лишь дает возможность нас критиковать и ничего к заслуженной славе нашего солдата не прибавляет.

[Евгений Малашенко](#),
генерал-лейтенант

И правде нужна защита

Вначале мне хотелось бы обратиться к личным воспоминаниям. Я из семьи военного. Мой отец служил в должности начальника артиллерии 50-го стрелкового корпуса в городе Выборге. Всю неделю перед войной у нас проводилось крупное учение. Отец говорил, что это мероприятие осуществляли москвичи. Он утверждал тогда, что вся обстановка в стране предвоенная. 21 июня 1941 года был проведен разбор учений. Мы уговорили отца с утра 22 июня на рыбалку поехать. Однако около четырех часов утра прибежал посыльный. Отца срочно вызывают – война. Это я хорошо помню.

Вы знаете, сейчас много лжеисториков, конъюнктурщиков, которые не гнушаются никакими средствами, стараясь очернить нашу армию и то, как она действовала на полях сражений Великой Отечественной войны. Горько это. Другие страны не чернят так свое прошлое. Они гордятся им.

Наши полководцы и командующие в своих мемуарах откровенно писали о совершенных ошибках. Не ошибается тот, кто не действует. Совершались просчеты и были, возможно, неоправданные потери. Такова жизнь без прикрас. Но вот недавно выступал историк Рой Медведев: «Я наблюдал в армии, как командиры обворовывали солдат, их пайки присваивали себе».

А вот я наблюдал другое. В июле нынешнего года исполнилось 70 лет, как я надел военную форму. На Ленинградском фронте в годы войны, в условиях блокады нам очень тяжело приходилось. Жили мы в землянке вместе с командиром батареи. Питались вместе. Что называется, с одного термоса отливали. Командир батареи всегда говорил: «Володьке налейте со дна погуще, костей у него еще нет, одни хрящики и хлеба ему побольше кусок дайте». Так что обобщать, наверное, не стоит.

Лжеисторики никак не могут успокоиться и называют совершенно невероятные цифры наших потерь на войне. А ведь подлинные данные опубликованы еще в 1992 году.

ЦК КПСС, Министерство обороны, Генеральный штаб работали над установлением истины. И Махмут Ахметович Гареев принимал участие в столь важном деле. Однако сегодня вновь поднимается этот вопрос. Некоторым так называемым творцам духовных ценностей хочется побольше грязи вылить на наше прошлое. Вот, к примеру, кинорежиссер Михалков, который, будем прямо говорить, вырос на кремлевском пайке. Но он везде показывает нашу страну – и на войне, и в период мирной жизни как можно грязнее. А давайте зададимся вопросом: чувствуем ли мы серьезный отпор со стороны государства такого рода людям?

19 июля 1941 года в Ставке была введена должность начальника артиллерии Красной армии. На эту должность был назначен генерал-полковник Воронов Николай Николаевич. Сталин Воронова вызывал, тот доставал записную книжечку и говорил: сколько, куда, каких орудий, каких дивизионов, на какой фронт, в какую армию подавать. Вот так было организовано управление!

Я согласен с Федором Ивановичем Ладыгиным. Он не только защищает честь мундира своего главного управления. Действительно, много было перед войной различных донесений о том, что нападение готовится. И я уверен, Сталин знал, что война будет. Он, может быть, все-таки не верил, боялся провокаций. Но что она неизбежна, конечно, он знал и от наших разведчиков, и от Зорге, и от других резидентов, которые представляли правдивые разведывательные донесения.

Нам надо вырабатывать механизм противодействия лжеисторикам, давать отпор злопыхателям, которые чернят нашу историю. Я бывал на конференциях за рубежом. И был немало удивлен в США, когда американские генералы утверждали, что это именно они одержали победу во Второй мировой войне, а мы вроде как и не воевали.

[Владимир Михалкин](#),
маршал артиллерии

Подлинность факта и достоверность документа

Наша беседа ограничена регламентом, тем не менее она по существу только начинается. Разговор складывается очень важный и нужный. И то, что Клуб военачальников несколько скорректировал направление своей деятельности и использует для дискуссии форму «круглого стола» для последующей публикации в печати, на мой взгляд, очень правильно.

Нам объявили, что немцы бомбили...

А начать я хотел бы с того же, с чего начал Анатолий Сергеевич Куликов. Он показал нам карту – план первого воздушного удара люфтваффе по столице нашей Родины 22 июля 1941 года. Это весьма важный документ начала Великой Отечественной войны.

Невольно переключаешься на личные воспоминания. Дело в том, что 22 июля 1941 года я как раз находился в Тушине сразу после окончания 9-го класса. Мы жили тогда в Истре. Параллельно я учился в Центральном аэроклубе имени Чкалова. С началом войны мы уже переселились непосредственно на Тушинский аэродром и ожидали налета. Нас, курсантов аэроклуба, отправили на помощь зенитчикам. Правда, пулеметы у них были слабенькие, одноствольные. Мы находились на крышах домов. Практически у нас на глазах проходил весь этот налет. Вся армада шла как раз над нашими головами, Тушино в это время было пригородом Москвы. Натерпелись страху. В общем, картину трудно передать, ее надо просто видеть.

В воздушном ударе принимало участие около 200 германских самолетов. Из них несколько десятков прорвалось к Москве. Налет закончился и наступило утро. Перед нами открылась практически вся панорама столицы. У нас создалось впечатление, что от горизонта до горизонта весь город горит. Я и мои товарищи по аэроклубу решили сразу же ехать в Москву. Посмотреть, что же от столицы осталось.

В 5.15 к станции Покровское-Стрешнево точно по расписанию подошел паровичок. Мы сели и приехали в Москву. Вышли на Белорусском вокзале и пошли по улице Горького. Смотрим, удивляемся – все цело, все тихо. Чем дальше продвигались к площади Маяковского, тем больше было на дороге выбитого стекла из окон. Но дальше мы не пошли, вернулись рассказать своим товарищам самое главное – Москва цела. Такое было вот личное впечатление.

Сегодня мы знаем, что тот налет не был таким бескровным, каким показался нам, юнцам, в то раннее утро. Погибли люди, несколько зданий было повреждено. Но немецкая авиация получила мощный отпор – вот что важно! До сих пор идут споры о потерях.

Любители немецкой статистики никак не признают, что мы сбили 22 самолета. Но главное было в том, что противовоздушная оборона достойно встретила противника.

Союзники были жизненно необходимы

Махмут Ахметович Гареев обрисовал общую картину и дал оценку событий тех лет. Казалось бы, многое из того, что он говорил, мы знаем и слышали. Тем не менее это, пожалуй, самая важная форма донесения до новых поколений того, что было в действительности в то время.

Особенно хотелось бы поддержать Махмута Гареева в его оценке внешнеполитической ситуации, которая сложилась перед самым началом Великой Отечественной войны. Мы уже десять лет различными путями стараемся привлечь внимание к одному важнейшему вопросу, который во многом определил ход и исход Великой Отечественной войны – к вопросу о наших союзниках. Главная задача внешнеполитической деятельности того времени состояла в том, чтобы любой ценой обеспечить себе союзнические отношения, иначе мы погибнем.

Именно так стоял вопрос. Лишь с учетом жизненной важности заключения союзнических отношений мы сможем более правильно оценивать те или иные решения советского правительства и командования, которые принимались непосредственно накануне Великой Отечественной войны.

Следует отчетливо понимать, что как только на Британских островах появился Гесс, для нас наступило критическое время. Совершенно однозначно наше руководство истолковало это событие как вероятность англо-германского сговора. И не ошиблось.

Обратите также внимание на следующее. Сразу после заключения советско-германского договора о дружбе и границе начались наши переговоры с англичанами. И начало переговоров с американцами относится к апрелю 1940 года. На что можно было тогда надеяться? Всего лишь на устные заверения о том, что в случае нападения Германии на Советский Союз и Великобритания, и Соединенные Штаты окажут нам помощь.

Между тем по линии разведки поступали сведения, что если Сталин спровоцирует войну, то Соединенные Штаты и Англия объединятся с Германией против Советского Союза. Возможно, нам сегодня сложно понять такой образ мышления, но, как говорится, он имел место быть.

Надо заметить, положение Рузвельта в тот период было очень сложным. И сам он крайне противоречивый человек, не поддающийся однозначной оценке. Только недавно стал известен документ Госдепартамента от 21 июня 1941 года, в котором говорится, что если Советский Союз потерпит поражение в войне с Германией, то США следует советское правительство в изгнании не признавать, а посла СССР выслать из Вашингтона.

Последние попытки предотвратить агрессию

Очень сложная была тогда обстановка. И в этой ситуации все-таки находили решения, оптимальные для того времени. Да, действительно, 17 июня 1941 года Меркулов и Фитин доложили, что нападение может состояться в любой день.

Не так давно выступал доктор исторических наук Сергей Мироненко, руководитель Государственного архива, авторитетный человек, а статья называлась «Как выдумали подвиг панфиловцев». Панфиловцев я не буду касаться. А дальше Мироненко задают вопрос: «А как вы думаете, почему Сталин не верил многочисленным донесениям, что Гитлер готовится напасть на СССР?». Сергей Мироненко отвечает: «Он не верил, что Гитлер начнет войну». За пять дней до начала войны глава НКВД Меркулов прислал докладную записку, что источник в штабе люфтваффе твердо говорит: «22 июня начнется».

Извините, но это явная неточность. Этих слов в донесении Меркулова и Фитина нет. Более того, известно, что Сталин, написав на том донесении так называемую матерную резолюцию, вы о ней все знаете, добавил устно: «В этом деле надо разобраться, и вы мне доложите снова».

18 июня 1941 года был направлен самолет для облета центрального участка нашей западной границы. Об обстановке на границе докладывали немедленно. Сообщали в Москву о том, что с сопредельной стороны все готово к нападению. В эти же дни предпринимается последняя попытка как-то предотвратить нападение Германии путем переговоров с Берлином. В столицу рейха отправлена просьба принять Вячеслава Молотова в Берлине. Руководство Германии отказалось это сделать.

Нам многое еще предстоит выяснить. Большое количество документов остается неизвестным. В начале нашей дискуссии прозвучала информация, что еще в первых числах июня последовала команда вывести управления фронтов на запасные командные пункты. Это не соответствует действительности. Подтверждается другое. Рано утром 19 июня 1941 года генералу Павлову была направлена телеграмма: «К 23 июня вывести управление фронта на командный пункт Обуз-Лесна, в Минске оставить Курдюмова. Исполнение телеграфируйте. Жуков».

Вот это реальный документ, который можно обсуждать. Была направлена контрдиверсионная группа к западной границе, чтобы не допустить того, что немцы сумели сделать в Глейвице перед нападением на Польшу.

Но самое главное, что надо иметь в виду, – влияние на все решения очень важной цели, которой мы добивались: достигнуть союза с Англией и Соединенными Штатами Америки. Как известно, этой цели мы в конечном итоге добились.

Махмут Гареев: Олег Александрович, в своих выступлениях и работах вы говорите, что 18 июня 1941 года была отдана некая директива из Москвы. Никакими источниками этот факт не подтверждается.

Олег Ржешевский: Об этом документе говорится на 26-й странице того сводного тома, который сделан под вашим руководством. Там написано, что 18 июня 1941 года была отдана эта директива. До сих пор историки ее получить не могут. Об этом пишется уже лет 30–40. В ряде газет и журналов опубликовали соответствующие директивы командующих войсками западных особых военных округов. Например, командир 28-й танковой дивизии полковник Иван Черняховский 19 июня 1941-го получил распоряжение выдвигаться ближе к границе. То есть его действия подтверждают наличие директивы от 18 июня 1941 года. Командующие военными округами на основании этого документа поставили задачи войскам. Вот здесь принципиальнейший вопрос. Кстати, может, его и Михаил Михайлович Ходаренок поднимет на страницах «ВПК». А почему именно историки должны разыскивать эту директиву от 18-го числа?

Михаил Ходаренок: Давайте мы ее опубликуем на страницах газеты.

Махмут Гареев: Если будет такой подход, как сейчас, то мы никогда ничего не узнаем. Будем разве что ходить вокруг да около. И действительно, почему историки должны искать какую-то директиву? Я постоянно говорю, что к созданию новой 12-томной истории Великой Отечественной войны надо подключить Генштаб, главнокомандующих видами Вооруженных Сил.

Олег Ржешевский: Конечно.

Махмут Гареев: Никто ничего не должен выпрашивать. Я даже разработал проведение такой военной игры: Генштаб с военными округами, где будет воспроизведена обстановка 1941 года. И какие решения там могли быть. Вначале начальник Генштаба согласился, потом времени не нашли – отложили.

Сейчас подготовкой нового издания истории Великой Отечественной войны занимаются Владимир Золотарев и Олег Ржешевский. Их полномочий явно недостаточно, чтобы иметь свободный доступ к документам. Вряд ли эта работа окажется продуктивной, если от нее будут отключены Генштаб, начальники главных и центральных управлений Минобороны. У них же все данные о потерях, об обеспеченности теми или иными материальными средствами. И многое другое, без чего не может состояться серьезного исторического труда. А все поручено Владимиру Золотареву. Однако его полномочий, по моему мнению, как я говорил выше, явно недостаточно.

Олег Ржешевский: Уважаемый Махмут Ахметович, все, что вы говорите, это совершенная правда. Но вы же член главной редакционной комиссии, генерал армии...

Махмут Гареев: Вы же не только некоторых членов редколлегии, вы Институт военной истории отстранили от работы. И хотите какой-то полуподпольной организацией создать масштабнейший труд о главной войне в истории нашего Отечества.

[Олег Ржешевский](#),

президент Российской ассоциации историков Второй мировой войны, доктор исторических наук, академик РАЕН

Разведка доложила точно

Когда речь заходит о том, выполнила ли разведка вообще и военная в частности свою основную задачу накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз и в период Великой Отечественной войны, мы с полным основанием можем сказать: «Да, выполнила».

Махмут Гареев: Прошу одну минуту для небольшой реплики. Тут уже сказано немало добрых слов о военной разведке. Верно, она сделала многое. Но вместе с тем надо помнить о том, что говорил в 1941 году начальник разведывательного управления Генштаба РККА Филипп Голиков. А говорил он следующее: слухи о готовящемся нападении Германии на Советский Союз – выдумка немецкой и английской разведки. Затем адмирал Кузнецов написал, что за рубежом хотели проверить, как будет реагировать Советский Союз на эту дезинформацию. Разведчики утверждали, что нападение на Советский Союз возможно только после разгрома Англии. Такая позиция не давала возможности высшему военно-политическому руководству страны правильно оценить обстановку. А Кобулов, ставленник Берии, и вовсе заявлял, что приближение немецких войск к границам СССР проводится с целью организации отдыха перед высадкой на Британские острова. И конечно, Сталин частично этому верил. Частично. Вот почему Вооруженные Силы СССР не были приведены в боевую готовность. Сталин боялся спровоцировать войну.

Федор Ладыгин: У разведки были ошибки, недостатки. Но в целом, повторяю, она задачу выполнила. Удалось сделать главное перед началом Великой Отечественной войны – разведка достоверно предупредила о том, что нападение будет. Да, разведчики называли разные даты начала войны – 15, 25 мая, 22 июня. За это разведчиков справедливо критикуют. Однако я бы не рассматривал расхождение в данных как дезинформацию.

Хочу сказать, что в 70–80-х годах я принимал участие во многих стратегических командно-штабных тренировках и учениях. И вот что характерно: ни одно из подобных учений, ни одна тренировка не проводились в первоначально установленные сроки. Подчеркну – ни единого раза. А тут не учения – война. Разумеется, элемент дезинформации присутствовал. Но самое главное, что разведка предупредила. Она ясно сообщила – война будет в 1941 году. Причем разведка называла вполне конкретные сроки – первая половина 1941 года. Обозначались и такие сроки, как май, июнь.

Теперь об упомянутом «разведдонесении» Филиппа Ивановича Голикова. В действительности оно называется совершенно по-иному: «Высказывания и подготовка Германии к войне против Советского Союза». Я зачитаю отсюда второй пункт: «Слухи и

документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию». Акцентирую, что говорится о весне 1941 года.

Июнь между прочим уже не весна. Но самое главное заключается все-таки в другом. Сталин располагал информацией, что война неизбежна. Об этом он сказал в 1942 году Уинстону Черчиллю: «Знал ли я, что будет война? Да, я знал, но мне хотелось отодвинуть ее». Я потом выскажу свое предположение, почему ему хотелось отодвинуть начало войны.

В 1957 году вслед за XX съездом КПСС, на котором состоялось так называемое разоблачение культа личности Сталина, было запланировано проведение расширенного пленума ЦК КПСС. На пленуме с докладом должен был выступить Георгий Жуков. Последнему ставилась задача развенчать Сталина как стратега и полководца (была такая мысль у Никиты Хрущева). Пленум не состоялся. Но в архиве президента России хранится доклад (или тезисы доклада) Георгия Жукова, где на вопрос о том, знал ли Сталин, что война будет в 1941 году, Жуков отвечает утвердительно: «Да, знал».

Таким образом, разведка свою задачу в части предупреждения высшего военно-политического руководства страны о нападении выполнила. Я не знаю, Михаил Михайлович (выступающий обращается к М. М. Ходаренку, главному редактору «ВПК»), документов, на основании которых разрабатывались мобилизационный план и планы первых операций. Но мне представляется, что, безусловно, наше руководство, и государственное, и военное, готовило страну и Вооруженные Силы – Рабоче-крестьянскую Красную армию к отражению агрессии.

Руководству страны и Вооруженных Сил постоянно поступали разведдонесения и разведсведения, многие из которых, кстати говоря, носили аналитический характер. В разведывательном управлении Генштаба РККА к тому времени уже был аналитический отдел, который собирал и обрабатывал соответствующие материалы. За первую половину 1941 года – до 22 июня из-за рубежа только по линии стратегической агентурной разведки были направлены 264 донесения. Повторю и подчеркну – 264 важнейших донесения. Из них 129 направлено высшему военному руководству. Как начальник Главного разведывательного управления, которым я был в свое время, зная историю своих предшественников, могу сказать, что это очень высокая оценка работы зарубежных разведаппаратов: половина из поступивших документов направлена высшему руководству. Подчеркну еще раз – это очень высокая оценка их деятельности. Я во многом разделяю мнение Махмута Ахметовича, почему для нас так тяжело сложился первый период войны. Сказалось и состояние техники и вооружения. Все делалось в спешке, чему удивляться, что значительная часть вооружения была попросту неисправной.

В свое время мы говорили, что танков у нас было меньше, а у немцев значительно больше. Потом вдруг стали утверждать: «Да нет, танков-то у нас было больше, но у нас только было меньше танков новых». Да ничего подобного. Накануне войны, и я думаю, что все здесь присутствующие это знают, в западных особых округах у нас новых танков Т-34 и КВ было больше, чем у немцев новых моделей. А по некоторым маркам, например КВ, даже некорректно проводить какие-либо сравнения. У немцев боевые машины подобного класса попросту отсутствовали.

И вот что я прочитал недавно. Оказывается, именно разведка виновата в том, что она не смогла определить направление главного удара в июне 1941 года. Однако еще Филипп

Голиков в своем знаменитом сообщении упоминал об основных направлениях планируемых ударов. Именно в его записке было написано, по каким направлениям будет наступать вермахт.

Махмут Гареев: Один из вариантов планируемых ударов все же до нас дошел.

Федор Ладыгин: Но это единственный вариант, который был графически исполнен. Даже так можно сказать – от руки. Кстати, его исполнил наш военный атташе в Германии генерал Тупиков, которого обозвали за донесения о планируемом немецком нападении «тупой генерал». Впоследствии он был начальником штаба Юго-Западного фронта и погиб в бою.

Однако допустим, что разведка что-то недооценила или неправильно спрогнозировала. Теперь возьмем для примера Юго-Западный фронт. Нас там побили немцы? Побили. И побили там, где руководил Георгий Жуков. Причем немцы нанесли нам тяжелейшие поражения значительно меньшими силами. Только по одним танкам мы превосходили немцев в четыре-пять раз. Словом, не надо все списывать на ошибки разведки. Кое-где и умение воинское надо проявить.

Известно также, что Гитлер, планируя войну против СССР в виде блицкрига, рассчитывал на то, что в течение двух-трех месяцев он уничтожит Вооруженные Силы Советского Союза, находящиеся в приграничных районах с Германией. И поэтому немцам очень хотелось, чтобы мы как можно больше выдвинули войск туда. И слава богу, что этого не произошло.

Что касается так называемого превентивного удара. Думается, нанеси мы его – и создание антигитлеровской коалиции было бы под очень большим вопросом. Я глубоко убежден, что Сталин и наши высшие военные руководители отдавали себе в этом отчет.

Разумеется, были и тяжелые просчеты. Ошибались Сталин, Жуков, командующие войсками округов. Но все они хотели отстоять нашу страну. Вполне вероятно, можно было обойтись меньшими потерями. Но вряд ли нам было под силу разгромить немцев летом 1941 года. Поэтому смешно слушать речи иных «экспертов», что в июне 1941-го мы собирались наступать и хотели захватить Германию... Как говорится, этого не может быть, поскольку не может быть никогда.

Махмут Гареев: Генерал армии Ивашутин, бывший в свое время начальником ГРУ, как-то в «Красной звезде» опубликовал статью. Он утверждал, что через две недели после подписания Гитлером план «Барбаросса» лежал на столе у Сталина. Где этот план?

Федор Ладыгин: Махмут Ахметович, я сразу могу ответить на этот вопрос. Во-первых, тот документ, о котором вы говорите, изготовили всего в девяти экземплярах. В девяти. Это первое. Второе. Семь экземпляров находились у Гитлера лично и два экземпляра были у...

Махмут Гареев: Нет, я спрашиваю, где тот, что лежал на столе у Сталина? Он же его не закопал, наверное?

Федор Ладыгин: А я сейчас отвечаю. Того самого плана в действительности не было, его никто не видел. Он появился только после войны.

Махмут Гареев: И сейчас не видим.

Федор Ладыгин: Я не знаю, кто его исполнял графически.

Махмут Гареев: Кузнецов?

Федор Ладыгин: Не было этого документа. Но и генерал армии Ивашутин утверждал, что через 11 дней сведения о плане «Барбаросса» у нас были. Вот о чем он писал. Не о том, что на стол Сталину сам план «Барбаросса» положили, а сведениями мы располагали.

Махмут Гареев: Тот план «Барбаросса», который мы имеем, разработан на отечественной карте.

Федор Ладыгин: Я не могу комментировать то, к чему я не имел отношения, что не видел. Я просто еще раз хочу сказать: в Главном разведывательном управлении никогда не было и нет самого плана «Барбаросса». Но сведения о его содержании через 11 дней были в распоряжении нашего руководства.

Евгений Малашенко: Вы, на мой взгляд, несколько преувеличиваете значение военной разведки. Да, благодаря действиям разведки Сталин знал, что война начнется в 1941 году. Этого не отнять. Но разведка группировок никаких не вскрыла, направления ударов не определила и ориентировала руководство, что противник нанесет мощные удары только после проведения стратегического развертывания.

Федор Ладыгин: Разведка предупредила о войне.

Анатолий Куликов: Она предупредила, что будет война, и это ее одна из главных задач.

Махмут Гареев: Что предупреждать-то, Анатолий Сергеевич? Каждый польский крестьянин, каждый мужик в конце концов знал, что вся Польша наводнена немецкими войсками. Что вскрывать-то? Весь мир знал, во всех газетах писали.

Федор Ладыгин: В отношении группировки противника – группировка была вскрыта.

Махмут Гареев: Этот вопрос ясен. Франц Гальдер сообщал, что в ходе кампаний 1939–1940 годов на западе в распоряжении вермахта оказалось 3,5 тысячи французских и английских танков. Кроме того, было захвачено 1200 чехословацких танков. Это пять тысяч боевых машин. Где они? Почему в сведениях о противнике вы их не учитываете?

Федор Ладыгин: Махмут Ахметович, я готов задать вам этот же вопрос. Хочу напомнить, что в 1987 году состоялась научно-практическая конференция руководящего состава Вооруженных Сил СССР, к подготовке которой вы сами лично имели самое непосредственное отношение вместе с маршалом Ахромеевым. На вывешенных в зале таблицах все было обозначено – сколько имелось танков на западе у немцев и сколько у нас (в том числе новых). В той конференции принимали участие крупные военачальники. Тогда вопросов в отношении численности танков не возникало.

Анатолий Куликов: Олег Александрович Ржешевский хотел задать вопрос.

Олег Ржешевский: Вот вы, Федор Иванович, привели очень важную цифру – 129 донесений разведки стратегической важности было направлено высшему военно-политическому руководству страны. Среди этого массива были ли такие материалы, которые содержали дезинформацию?

Федор Ладыгин: Там были и такие, о которых вы говорите.

[Федор Ладыгин](#),

генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных Сил РФ в 1992–1997 годах

До и после 22 июня – как это было — часть II

// [Федор Ладыгин](#), [Евгений Малашенко](#), [Владимир Михалкин](#), [Олег Ржешевский](#)

Продолжение. Начало [читайте в № 31, 2011 г.](#)

Публикуем продолжение дискуссии, состоявшейся в Клубе военачальников Российской Федерации. Разговор за «круглым столом» шел о трактовке событий, которые происходили накануне нападения нацистской Германии на Советский Союз, и причинах тяжелых поражений Красной армии в первых сражениях с вермахтом. В беседе приняли участие президент Академии военных наук, доктор военных и исторических наук генерал армии Махмут Ахметович Гареев, президент Российской ассоциации историков Второй мировой войны, вице-президент Международного комитета истории Второй мировой войны, доктор исторических наук, академик РАЕН Олег Александрович Ржешевский, маршал артиллерии Владимир Михайлович Михалкин, бывший начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии Владимир Николаевич Лобов, бывший начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал-полковник Федор Иванович Ладыгин, генерал-лейтенант Евгений Михайлович Малашенко, генерал-лейтенант Леонид Михайлович Хохлов, генерал-лейтенант Александр Николаевич Карпов, генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич Нефедов, генерал-майор Герман Васильевич Кириленко, полковник Валерий Викторович Абатуров, Михаил Вячеславович Морозов, главный редактор газеты «ВПК» Михаил Михайлович Ходаренок. Руководил работой «круглого стола» президент Клуба военачальников генерал армии Анатолий Сергеевич Куликов.

Наши войска готовились к обороне

С гитлеровской стратегией слома существующих европейских границ и броска на восток, как мне представляется, все ясно. Еще в 1925 году Гитлер в *Mein Kampf* заявил, что его цель – захват России и расширение за счет ее территории жизненного пространства Германии. Таким образом, агрессивность гитлеризма была с самого начала продекларирована явно, она нисколько не скрывалась. И сегодня история подтверждает, что партайгеноссе вынашивали планы нападения на Советский Союз едва ли не с первого дня прихода к власти. В этом, можно сказать, заключался смысл существования фашистского государства.

Документы свидетельствуют

Теперь посмотрим, как обстояло дело с военными приготовлениями у нас. Хорошо известно, что когда Семен Тимошенко принимал должность наркома обороны, то в акте о приеме-сдаче должности говорилось: плана войны у нас никакого нет. Это документальный факт, оспорить который невозможно. Соответствующий документ был разработан только в октябре 1940 года как ответ на слишком очевидные приготовления гитлеровцев к нападению на СССР.

О чем же говорится на этих пожелтевших от времени страницах? Оказывается, речь шла о прикрытии нашими войсками государственной границы и развертывании Вооруженных Сил. И только затем намечалось проведение наступательных операций. Таким образом, план, разработанный в октябре 1940 года и тогда же утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б), имел задачу, повторяю, отразить нападение Германии и быть готовыми к переходу в наступление. Спрашивается: где здесь приготовление к агрессии?

В соответствии с политической конъюнктурой документ подвергся переработке в первой половине 1941 года. Теперь намечалось, что основные усилия нашей армии будут сосредоточены на юго-западном направлении и главный удар планировалось нанести в направлении Люблина, Кракова, далее на Братиславу. Предполагался выход к реке Одер. Иначе говоря, документально подтверждается, что Советский Союз не преследовал цели захвата чужих территорий, а готовился к отражению германской агрессии путем расчленения крупных группировок вермахта. Контрударами предполагалось отрезать Германию от ее союзников на Балканах.

Наконец, третий вариант был разработан в мае 1941 года. Ввиду того что Германия к тому времени имела отмобилизованные и находящиеся в высокой степени боевой готовности войска, Георгий Жуков и Семен Тимошенко предлагали развернуть наши Вооруженные Силы и нанести упреждающий удар. Но Сталин, как уже говорил в своем докладе Махмут Ахметович Гареев, боялся, что мы будем втянуты в войну с Германией, чего стремился всячески избежать. И он не дал согласия на подобные меры, указав при этом: мобилизация, развертывание частей и соединений вблизи государственной границы будут фактически началом военных действий, что явилось бы безусловным поводом для объявления войны Советскому Союзу.

Из сказанного следует: никаких намерений нанести превентивный удар, о чем пишут Виктор Суворов и Марк Солонин, не существовало в природе. Рассуждения о том, что СССР готовился к агрессии и виновен в развязывании очередного этапа Второй мировой войны, абсолютно беспочвенны. Попросту говоря, это наглая ложь.

Вся Европа к тому времени лежала под фашистским сапогом. О каком развязывании войны с нашей стороны могла идти речь? В ту пору мы готовились только к тому, чтобы суметь отразить нападение Германии, неизбежность которого с каждым днем становилась все очевиднее.

Задача ставилась одна – сдержать агрессора

Что касается Договора о ненападении 1939 года, то да, частично он способствовал свободе рук Германии на западе, позволяя не опасаться удара с востока. Но давайте не забывать, что благодаря договору мы избежали международной изоляции и отвели угрозу создания единого фронта Германии с Францией и Англией против Советского Союза. Кроме того, соглашение позволило вернуть земли, отторгнутые в ходе Гражданской войны.

Теперь о решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 мая 1941 года о проведении частичной мобилизации под видом больших учебных сборов, которое можно найти в приложениях к «Соображениям по стратегическому развертыванию», разработанным А. М. Василевским. Дескать, это одно из свидетельств о намерении СССР напасть на Германию.

Думается, нужно быть совершенно недобросовестным, чтобы увидеть такие приготовления в частичном приведении Военно-воздушных сил в боевую готовность или в выдвижении стратегических резервов на рубеж реки Западная Двина. Все это делалось с единственной и очевидной всякому здравомыслящему человеку целью – усилить нашу готовность к отражению удара немцев.

Скажем еще раз со всей определенностью: в нашем плане войны речь шла о развертывании Вооруженных Сил, то есть о прикрытии войсками государственной границы, отражении удара и переходе в наступление после осуществления полной мобилизации. Таковы факты.

олаж Андрея Седых

Посмотрим, как план осуществлялся на практике. Частичные меры были приняты лишь в 1941 году. Так, 22 июня подписана исходившая из наметок об упреждающем ударе Директива № 3 о нанесении концентрических ударов на юго-западном направлении, в направлении на Люблин и Сувалки. На практике выполнение директивы способствовало дезорганизации фронтов. Документ абсолютно не учитывал обстановку, которая сложилась к исходу того дня. Немцы развивали наступление. Наши войска, толком еще не приведенные в боевую готовность, двигались навстречу. Попав под хорошо организованные удары противника, советские соединения и части были частично уничтожены, частично рассеяны.

В дальнейшем наши действия сводились по сути дела к затыканию образовавшихся в обороне брешей. Под Смоленском вновь пытались перейти в контрнаступление. В этих целях сосредоточили 150 дивизий, но успеха так и не достигли.

Поэтому не соответствует действительности утверждение о том, что до 22 июня 1941 года в своих планах мы преследовали цель захвата Германии. Задача у нас была одна – отразить нападение противника, разгромить немецкие войска и изгнать захватчиков с наших земель. Что же касается помощи странам Восточной Европы в разгроме фашизма, то такие задачи тогда не ставились. Они возникли уже в ходе соответствующих кампаний 1943–1944 годов. А до этого у Вооруженных Сил Советского Союза была, повторю еще раз, единственная задача – отразить нападение противника, разгромить немецко-фашистские войска и отбросить их за пределы страны.

Истина в приукрашивании не нуждается

В многотомной истории Великой Отечественной войны пишут, что советские части организованно осуществляли отход, отмечалось высокое морально-политическое состояние войск, налицо был массовый героизм. Факты свидетельствуют о другом. И героизм не был массовым, и воевали мы, надо откровенно сказать, поначалу плохо.

Иначе чем можно объяснить, что за первые полгода войны четыре миллиона наших бойцов и командиров попали в плен. Приходится откровенно сказать, что многие наши командиры элементарно не умели воевать.

Сегодня в ходу разного рода легенды о том, что якобы генералы РККА изменили, участвовали в заговорах. И будто не немецкая военная мощь и умение воевать заставили нас отступать, а предательство военачальников, которые намеренно отступали и чуть ли не склады с вооружением и боеприпасами немцам передавали.

Все это досужие выдумки, ничего этого и близко в действительности не было. Генерал Власов здесь печальное и едва ли не единственное исключение.

Хочется сказать также о том, как сегодня освещается ход Великой Отечественной войны. Незнание фактов, некомпетентность, поспешность в суждениях, к сожалению, уже мало кого удивляют. Вот тот же Алексей Пивоваров не знает, что Ржев входил в полосу наступления Калининского фронта, и утверждает, что Георгий Жуков под Ржевом миллион наших бойцов положил. Во-первых, Иван Конев командовал тем фронтом, не Жуков. Во-вторых, конечно, вина Жукова за провалы зимнего наступления, за неудачные воздушно-десантные операции, безусловно, есть. Но надо быть все же точнее.

К сожалению, и новый 12-томник о Великой Отечественной войне нередко грешит неточностью, отличается все тем же старым подходом. Разве что Олег Ржешевский дал новые оценки Паку о ненападении, созданию антигитлеровской коалиции. И это практически все перемены.

Да вот возьмем для примера хотя бы Курскую битву. Авторы пишут: «Эффективная артиллерийская контрподготовка». Затем далее: «Успешные действия 5-й танковой армии Ротмистрова». Такие оценки, к сожалению, далеки от истины. В действительности артиллерийская подготовка была проведена преждевременно, неэффективно, по пустым местам. Никаких целей практически не достигла. Немцы разве что на час перенесли наступление. И то вряд ли по причине контрподготовки.

Теперь о Ротмистрове. Армия под его командованием сколько-нибудь большой роли не сыграла. Никакого встречного танкового сражения не имела. Немцы из тяжелых танков и самоходных орудий, находясь в обороне, за короткий промежуток времени нанесли ей тяжелейшие потери. Фактически армия Ротмистрова перестала существовать.

Таких примеров со старыми, недостоверными оценками более чем достаточно. Вот, к примеру, пишет один из авторов: «8-я гвардейская дивизия (*где он недолгий срок служил в должности командира роты.* – Е. М.) уничтожила в годы войны 65 тысяч немцев». Ну что за ересь?

Прикинем: у нас в годы войны было свыше 500 стрелковых дивизий, около 200 авиационных дивизий, свыше 200 артиллерийских бригад... Другими словами, одних боевых частей и соединений, включая танковые, у нас, по самым приблизительным оценкам, насчитывалось около четырех тысяч. Да если бы каждая из них уничтожила хотя по одной тысяче немцев, то и война к 1943 году закончилась бы. А может, и того раньше. Нельзя историкам и военачальникам проявлять столь легковесный подход. Это лишь дает возможность нас критиковать и ничего к заслуженной славе нашего солдата не прибавляет.

[Евгений Малашенко](#),
генерал-лейтенант

И правде нужна защита

Вначале мне хотелось бы обратиться к личным воспоминаниям. Я из семьи военного. Мой отец служил в должности начальника артиллерии 50-го стрелкового корпуса в городе Выборге. Всю неделю перед войной у нас проводилось крупное учение. Отец говорил, что это мероприятие осуществляли москвичи. Он утверждал тогда, что вся обстановка в стране предвоенная. 21 июня 1941 года был проведен разбор учений. Мы уговорили отца с утра 22 июня на рыбалку поехать. Однако около четырех часов утра прибежал посыльный. Отца срочно вызывают – война. Это я хорошо помню.

Вы знаете, сейчас много лжеисториков, конъюнктурщиков, которые не гнушаются никакими средствами, стараясь очернить нашу армию и то, как она действовала на полях сражений Великой Отечественной войны. Горько это. Другие страны не чернят так свое прошлое. Они гордятся им.

Наши полководцы и командующие в своих мемуарах откровенно писали о совершенных ошибках. Не ошибается тот, кто не действует. Совершались просчеты и были, возможно, неоправданные потери. Такова жизнь без прикрас. Но вот недавно выступал историк Рой Медведев: «Я наблюдал в армии, как командиры обворовывали солдат, их пайки присваивали себе».

А вот я наблюдал другое. В июле нынешнего года исполнилось 70 лет, как я надел военную форму. На Ленинградском фронте в годы войны, в условиях блокады нам очень тяжело приходилось. Жили мы в землянке вместе с командиром батареи. Питались вместе. Что называется, с одного термоса отливали. Командир батареи всегда говорил: «Володьке налейте со дна погуще, костей у него еще нет, одни хрящики и хлеба ему побольше кусок дайте». Так что обобщать, наверное, не стоит.

Лжеисторики никак не могут успокоиться и называют совершенно невероятные цифры наших потерь на войне. А ведь подлинные данные опубликованы еще в 1992 году.

ЦК КПСС, Министерство обороны, Генеральный штаб работали над установлением истины. И Махмут Ахметович Гареев принимал участие в столь важном деле. Однако сегодня вновь поднимается этот вопрос. Некоторым так называемым творцам духовных ценностей хочется побольше грязи вылить на наше прошлое. Вот, к примеру, кинорежиссер Михалков, который, будем прямо говорить, вырос на кремлевском пайке. Но он везде показывает нашу страну – и на войне, и в период мирной жизни как можно грязнее. А давайте зададимся вопросом: чувствуем ли мы серьезный отпор со стороны государства такого рода людям?

19 июля 1941 года в Ставке была введена должность начальника артиллерии Красной армии. На эту должность был назначен генерал-полковник Воронов Николай Николаевич. Сталин Воронова вызывал, тот доставал записную книжечку и говорил: сколько, куда, каких орудий, каких дивизионов, на какой фронт, в какую армию подавать. Вот так было организовано управление!

Я согласен с Федором Ивановичем Ладыгиным. Он не только защищает честь мундира своего главного управления. Действительно, много было перед войной различных донесений о том, что нападение готовится. И я уверен, Сталин знал, что война будет. Он, может быть, все-таки не верил, боялся провокаций. Но что она неизбежна, конечно, он знал и от наших разведчиков, и от Зорге, и от других резидентов, которые представляли правдивые разведывательные донесения.

Нам надо выработать механизм противодействия лжеисторикам, давать отпор злопыхателям, которые чернят нашу историю. Я бывал на конференциях за рубежом. И был немало удивлен в США, когда американские генералы утверждали, что это именно они одержали победу во Второй мировой войне, а мы вроде как и не воевали.

[Владимир Михалкин](#),
маршал артиллерии

Подлинность факта и достоверность документа

Наша беседа ограничена регламентом, тем не менее она по существу только начинается. Разговор складывается очень важный и нужный. И то, что Клуб военачальников несколько скорректировал направление своей деятельности и использует для дискуссии форму «круглого стола» для последующей публикации в печати, на мой взгляд, очень правильно.

Нам объявили, что немцы бомбили...

А начать я хотел бы с того же, с чего начал Анатолий Сергеевич Куликов. Он показал нам карту – план первого воздушного удара люфтваффе по столице нашей Родины 22 июля 1941 года. Это весьма важный документ начала Великой Отечественной войны.

Невольно переключаешься на личные воспоминания. Дело в том, что 22 июля 1941 года я как раз находился в Тушине сразу после окончания 9-го класса. Мы жили тогда в Истре. Параллельно я учился в Центральном аэроклубе имени Чкалова. С началом войны мы уже переселились непосредственно на Тушинский аэродром и ожидали налета. Нас, курсантов аэроклуба, отправили на помощь зенитчикам. Правда, пулеметы у них были слабенькие, одноствольные. Мы находились на крышах домов. Практически у нас на глазах проходил весь этот налет. Вся армада шла как раз над нашими головами, Тушино в это время было пригородом Москвы. Натерпелись страху. В общем, картину трудно передать, ее надо просто видеть.

В воздушном ударе принимало участие около 200 германских самолетов. Из них несколько десятков прорвалось к Москве. Налет закончился и наступило утро. Перед нами открылась практически вся панорама столицы. У нас создалось впечатление, что от горизонта до горизонта весь город горит. Я и мои товарищи по аэроклубу решили сразу же ехать в Москву. Посмотреть, что же от столицы осталось.

В 5.15 к станции Покровское-Стрешнево точно по расписанию подошел паровичок. Мы сели и приехали в Москву. Вышли на Белорусском вокзале и пошли по улице Горького. Смотрим, удивляемся – все цело, все тихо. Чем дальше продвигались к площади Маяковского, тем больше было на дороге выбитого стекла из окон. Но дальше мы не

пошли, вернулись рассказать своим товарищам самое главное – Москва цела. Такое было вот личное впечатление.

Сегодня мы знаем, что тот налет не был таким бескровным, каким показался нам, юнцам, в то раннее утро. Погибли люди, несколько зданий было повреждено. Но немецкая авиация получила мощный отпор – вот что важно! До сих пор идут споры о потерях. Любители немецкой статистики никак не признают, что мы сбили 22 самолета. Но главное было в том, что противовоздушная оборона достойно встретила противника.

Союзники были жизненно необходимы

Махмут Ахметович Гареев обрисовал общую картину и дал оценку событий тех лет. Казалось бы, многое из того, что он говорил, мы знаем и слышали. Тем не менее это, пожалуй, самая важная форма донесения до новых поколений того, что было в действительности в то время.

Особенно хотелось бы поддержать Махмута Гареева в его оценке внешнеполитической ситуации, которая сложилась перед самым началом Великой Отечественной войны. Мы уже десять лет различными путями стараемся привлечь внимание к одному важнейшему вопросу, который во многом определил ход и исход Великой Отечественной войны – к вопросу о наших союзниках. Главная задача внешнеполитической деятельности того времени состояла в том, чтобы любой ценой обеспечить себе союзнические отношения, иначе мы погибнем.

Именно так стоял вопрос. Лишь с учетом жизненной важности заключения союзнических отношений мы сможем более правильно оценивать те или иные решения советского правительства и командования, которые принимались непосредственно накануне Великой Отечественной войны.

Следует отчетливо понимать, что как только на Британских островах появился Гесс, для нас наступило критическое время. Совершенно однозначно наше руководство истолковало это событие как вероятность англо-германского сговора. И не ошиблось.

Обратите также внимание на следующее. Сразу после заключения советско-германского договора о дружбе и границе начались наши переговоры с англичанами. И начало переговоров с американцами относится к апрелю 1940 года. На что можно было тогда надеяться? Всего лишь на устные заверения о том, что в случае нападения Германии на Советский Союз и Великобритания, и Соединенные Штаты окажут нам помощь.

Между тем по линии разведки поступали сведения, что если Сталин спровоцирует войну, то Соединенные Штаты и Англия объединятся с Германией против Советского Союза. Возможно, нам сегодня сложно понять такой образ мышления, но, как говорится, он имел место быть.

Надо заметить, положение Рузвельта в тот период было очень сложным. И сам он крайне противоречивый человек, не поддающийся однозначной оценке. Только недавно стал известен документ Госдепартамента от 21 июня 1941 года, в котором говорится, что если Советский Союз потерпит поражение в войне с Германией, то США следует советское правительство в изгнании не признавать, а посла СССР выслать из Вашингтона.

Последние попытки предотвратить агрессию

Очень сложная была тогда обстановка. И в этой ситуации все-таки находили решения, оптимальные для того времени. Да, действительно, 17 июня 1941 года Меркулов и Фитин доложили, что нападение может состояться в любой день.

Не так давно выступал доктор исторических наук Сергей Мироненко, руководитель Государственного архива, авторитетный человек, а статья называлась «Как выдумали подвиг панфиловцев». Панфиловцев я не буду касаться. А дальше Мироненко задают вопрос: «А как вы думаете, почему Сталин не верил многочисленным донесениям, что Гитлер готовится напасть на СССР?». Сергей Мироненко отвечает: «Он не верил, что Гитлер начнет войну». За пять дней до начала войны глава НКВД Меркулов прислал докладную записку, что источник в штабе люфтваффе твердо говорит: «22 июня начнется».

Извините, но это явная неточность. Этих слов в донесении Меркулова и Фитина нет. Более того, известно, что Сталин, написав на том донесении так называемую матерную резолюцию, вы о ней все знаете, добавил устно: «В этом деле надо разобраться, и вы мне доложите снова».

18 июня 1941 года был направлен самолет для облета центрального участка нашей западной границы. Об обстановке на границе докладывали немедленно. Сообщали в Москву о том, что с сопредельной стороны все готово к нападению. В эти же дни предпринимается последняя попытка как-то предотвратить нападение Германии путем переговоров с Берлином. В столицу рейха отправлена просьба принять Вячеслава Молотова в Берлине. Руководство Германии отказалось это сделать.

Нам многое еще предстоит выяснить. Большое количество документов остается неизвестным. В начале нашей дискуссии прозвучала информация, что еще в первых числах июня последовала команда вывести управления фронтов на запасные командные пункты. Это не соответствует действительности. Подтверждается другое. Рано утром 19 июня 1941 года генералу Павлову была направлена телеграмма: «К 23 июня вывести управление фронта на командный пункт Обуз-Лесна, в Минске оставить Курдюмова. Исполнение телеграфируйте. Жуков».

Вот это реальный документ, который можно обсуждать. Была направлена контрдиверсионная группа к западной границе, чтобы не допустить того, что немцы сумели сделать в Глейвице перед нападением на Польшу.

Но самое главное, что надо иметь в виду, – влияние на все решения очень важной цели, которой мы добивались: достигнуть союза с Англией и Соединенными Штатами Америки. Как известно, этой цели мы в конечном итоге добились.

Махмут Гареев: Олег Александрович, в своих выступлениях и работах вы говорите, что 18 июня 1941 года была отдана некая директива из Москвы. Никакими источниками этот факт не подтверждается.

Олег Ржешевский: Об этом документе говорится на 26-й странице того сводного тома, который сделан под вашим руководством. Там написано, что 18 июня 1941 года была отдана эта директива. До сих пор историки ее получить не могут. Об этом пишется уже лет 30–40. В ряде газет и журналов опубликовали соответствующие директивы командующих войсками западных особых военных округов. Например, командир 28-й танковой дивизии полковник Иван Черняховский 19 июня 1941-го получил распоряжение выдвигаться ближе к границе. То есть его действия подтверждают наличие директивы от

18 июня 1941 года. Командующие военными округами на основании этого документа поставили задачи войскам. Вот здесь принципиальнейший вопрос. Кстати, может, его и Михаил Михайлович Ходаренок поднимет на страницах «ВПК». А почему именно историки должны разыскивать эту директиву от 18-го числа?

Михаил Ходаренок: Давайте мы ее опубликуем на страницах газеты.

Махмут Гареев: Если будет такой подход, как сейчас, то мы никогда ничего не узнаем. Будем разве что ходить вокруг да около. И действительно, почему историки должны искать какую-то директиву? Я постоянно говорю, что к созданию новой 12-томной истории Великой Отечественной войны надо подключить Генштаб, главнокомандующих видами Вооруженных Сил.

Олег Ржешевский: Конечно.

Махмут Гареев: Никто ничего не должен выпрашивать. Я даже разработал проведение такой военной игры: Генштаб с военными округами, где будет воспроизведена обстановка 1941 года. И какие решения там могли быть. Вначале начальник Генштаба согласился, потом времени не нашли – отложили.

Сейчас подготовкой нового издания истории Великой Отечественной войны занимаются Владимир Золотарев и Олег Ржешевский. Их полномочий явно недостаточно, чтобы иметь свободный доступ к документам. Вряд ли эта работа окажется продуктивной, если от нее будут отключены Генштаб, начальники главных и центральных управлений Минобороны. У них же все данные о потерях, об обеспеченности теми или иными материальными средствами. И многое другое, без чего не может состояться серьезного исторического труда. А все поручено Владимиру Золотареву. Однако его полномочий, по моему мнению, как я говорил выше, явно недостаточно.

Олег Ржешевский: Уважаемый Махмут Ахметович, все, что вы говорите, это совершенная правда. Но вы же член главной редакционной комиссии, генерал армии...

Махмут Гареев: Вы же не только некоторых членов редколлегии, вы Институт военной истории отстранили от работы. И хотите какой-то полуподпольной организацией создать масштабнейший труд о главной войне в истории нашего Отечества.

[Олег Ржешевский](#),

президент Российской ассоциации историков Второй мировой войны, доктор исторических наук, академик РАЕН

Разведка доложила точно

Когда речь заходит о том, выполнила ли разведка вообще и военная в частности свою основную задачу накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз и в период Великой Отечественной войны, мы с полным основанием можем сказать: «Да, выполнила».

Махмут Гареев: Прошу одну минуту для небольшой реплики. Тут уже сказано немало добрых слов о военной разведке. Верно, она сделала многое. Но вместе с тем надо помнить о том, что говорил в 1941 году начальник разведывательного управления Генштаба РККА Филипп Голиков. А говорил он следующее: слухи о готовящемся нападении Германии на Советский Союз – выдумка немецкой и английской разведки. Затем адмирал Кузнецов написал, что за рубежом хотели проверить, как будет реагировать Советский Союз на эту дезинформацию. Разведчики утверждали, что нападение на Советский Союз возможно только после разгрома Англии. Такая позиция не давала возможности высшему военно-политическому руководству страны правильно оценить обстановку. А Кобулов, ставленник Берии, и вовсе заявлял, что приближение немецких войск к границам СССР проводится с целью организации отдыха перед высадкой на Британские острова. И конечно, Сталин частично этому верил. Частично. Вот почему Вооруженные Силы СССР не были приведены в боевую готовность. Сталин боялся спровоцировать войну.

Федор Ладыгин: У разведки были ошибки, недостатки. Но в целом, повторяю, она задачу выполнила. Удалось сделать главное перед началом Великой Отечественной войны – разведка достоверно предупредила о том, что нападение будет. Да, разведчики называли разные даты начала войны – 15, 25 мая, 22 июня. За это разведчиков справедливо критикуют. Однако я бы не рассматривал расхождение в данных как дезинформацию.

Хочу сказать, что в 70–80-х годах я принимал участие во многих стратегических командно-штабных тренировках и учениях. И вот что характерно: ни одно из подобных учений, ни одна тренировка не проводились в первоначально установленные сроки. Подчеркну – ни единого раза. А тут не учения – война. Разумеется, элемент дезинформации присутствовал. Но самое главное, что разведка предупредила. Она ясно сообщила – война будет в 1941 году. Причем разведка называла вполне конкретные сроки – первая половина 1941 года. Обозначались и такие сроки, как май, июнь.

Теперь об упомянутом «разведдонесении» Филиппа Ивановича Голикова. В действительности оно называется совершенно по-иному: «Высказывания и подготовка Германии к войне против Советского Союза». Я зачитаю отсюда второй пункт: «Слухи и

документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию». Акцентирую, что говорится о весне 1941 года.

Июнь между прочим уже не весна. Но самое главное заключается все-таки в другом. Сталин располагал информацией, что война неизбежна. Об этом он сказал в 1942 году Уинстону Черчиллю: «Знал ли я, что будет война? Да, я знал, но мне хотелось отодвинуть ее». Я потом выскажу свое предположение, почему ему хотелось отодвинуть начало войны.

В 1957 году вслед за XX съездом КПСС, на котором состоялось так называемое разоблачение культа личности Сталина, было запланировано проведение расширенного пленума ЦК КПСС. На пленуме с докладом должен был выступить Георгий Жуков. Последнему ставилась задача развенчать Сталина как стратега и полководца (была такая мысль у Никиты Хрущева). Пленум не состоялся. Но в архиве президента России хранится доклад (или тезисы доклада) Георгия Жукова, где на вопрос о том, знал ли Сталин, что война будет в 1941 году, Жуков отвечает утвердительно: «Да, знал».

Таким образом, разведка свою задачу в части предупреждения высшего военно-политического руководства страны о нападении выполнила. Я не знаю, Михаил Михайлович (выступающий обращается к М. М. Ходаренку, главному редактору «ВПК»), документов, на основании которых разрабатывались мобилизационный план и планы первых операций. Но мне представляется, что, безусловно, наше руководство, и государственное, и военное, готовило страну и Вооруженные Силы – Рабоче-крестьянскую Красную армию к отражению агрессии.

Руководству страны и Вооруженных Сил постоянно поступали разведдонесения и разведсведения, многие из которых, кстати говоря, носили аналитический характер. В разведывательном управлении Генштаба РККА к тому времени уже был аналитический отдел, который собирал и обрабатывал соответствующие материалы. За первую половину 1941 года – до 22 июня из-за рубежа только по линии стратегической агентурной разведки были направлены 264 донесения. Повторю и подчеркну – 264 важнейших донесения. Из них 129 направлено высшему военному руководству. Как начальник Главного разведывательного управления, которым я был в свое время, зная историю своих предшественников, могу сказать, что это очень высокая оценка работы зарубежных разведаппаратов: половина из поступивших документов направлена высшему руководству. Подчеркну еще раз – это очень высокая оценка их деятельности. Я во многом разделяю мнение Махмута Ахметовича, почему для нас так тяжело сложился первый период войны. Сказалось и состояние техники и вооружения. Все делалось в спешке, чему удивляться, что значительная часть вооружения была попросту неисправной.

В свое время мы говорили, что танков у нас было меньше, а у немцев значительно больше. Потом вдруг стали утверждать: «Да нет, танков-то у нас было больше, но у нас только было меньше танков новых». Да ничего подобного. Накануне войны, и я думаю, что все здесь присутствующие это знают, в западных особых округах у нас новых танков Т-34 и КВ было больше, чем у немцев новых моделей. А по некоторым маркам, например КВ, даже некорректно проводить какие-либо сравнения. У немцев боевые машины подобного класса попросту отсутствовали.

И вот что я прочитал недавно. Оказывается, именно разведка виновата в том, что она не смогла определить направление главного удара в июне 1941 года. Однако еще Филипп

Голиков в своем знаменитом сообщении упоминал об основных направлениях планируемых ударов. Именно в его записке было написано, по каким направлениям будет наступать вермахт.

Махмут Гареев: Один из вариантов планируемых ударов все же до нас дошел.

Федор Ладыгин: Но это единственный вариант, который был графически исполнен. Даже так можно сказать – от руки. Кстати, его исполнил наш военный атташе в Германии генерал Тупиков, которого обозвали за донесения о планируемом немецком нападении «тупой генерал». Впоследствии он был начальником штаба Юго-Западного фронта и погиб в бою.

Однако допустим, что разведка что-то недооценила или неправильно спрогнозировала. Теперь возьмем для примера Юго-Западный фронт. Нас там побил немцы? Побили. И побили там, где руководил Георгий Жуков. Причем немцы нанесли нам тяжелейшие поражения значительно меньшими силами. Только по одним танкам мы превосходили немцев в четыре-пять раз. Словом, не надо все списывать на ошибки разведки. Кое-где и умение воинское надо проявить.

Известно также, что Гитлер, планируя войну против СССР в виде блицкрига, рассчитывал на то, что в течение двух-трех месяцев он уничтожит Вооруженные Силы Советского Союза, находящиеся в приграничных районах с Германией. И поэтому немцам очень хотелось, чтобы мы как можно больше выдвинули войск туда. И слава богу, что этого не произошло.

Что касается так называемого превентивного удара. Думается, нанеси мы его – и создание антигитлеровской коалиции было бы под очень большим вопросом. Я глубоко убежден, что Сталин и наши высшие военные руководители отдавали себе в этом отчет.

Разумеется, были и тяжелые просчеты. Ошибались Сталин, Жуков, командующие войсками округов. Но все они хотели отстоять нашу страну. Вполне вероятно, можно было обойтись меньшими потерями. Но вряд ли нам было под силу разгромить немцев летом 1941 года. Поэтому смешно слушать речи иных «экспертов», что в июне 1941-го мы собирались наступать и хотели захватить Германию... Как говорится, этого не может быть, поскольку не может быть никогда.

Махмут Гареев: Генерал армии Ивашутин, бывший в свое время начальником ГРУ, как-то в «Красной звезде» опубликовал статью. Он утверждал, что через две недели после подписания Гитлером план «Барбаросса» лежал на столе у Сталина. Где этот план?

Федор Ладыгин: Махмут Ахметович, я сразу могу ответить на этот вопрос. Во-первых, тот документ, о котором вы говорите, изготовили всего в девяти экземплярах. В девяти. Это первое. Второе. Семь экземпляров находились у Гитлера лично и два экземпляра были у...

Махмут Гареев: Нет, я спрашиваю, где тот, что лежал на столе у Сталина? Он же его не закопал, наверное?

Федор Ладыгин: А я сейчас отвечаю. Того самого плана в действительности не было, его никто не видел. Он появился только после войны.

Махмут Гареев: И сейчас не видим.

Федор Ладыгин: Я не знаю, кто его исполнял графически.

Махмут Гареев: Кузнецов?

Федор Ладыгин: Не было этого документа. Но и генерал армии Ивашутин утверждал, что через 11 дней сведения о плане «Барбаросса» у нас были. Вот о чем он писал. Не о том, что на стол Сталину сам план «Барбаросса» положили, а сведениями мы располагали.

Махмут Гареев: Тот план «Барбаросса», который мы имеем, разработан на отечественной карте.

Федор Ладыгин: Я не могу комментировать то, к чему я не имел отношения, что не видел. Я просто еще раз хочу сказать: в Главном разведывательном управлении никогда не было и нет самого плана «Барбаросса». Но сведения о его содержании через 11 дней были в распоряжении нашего руководства.

Евгений Малашенко: Вы, на мой взгляд, несколько преувеличиваете значение военной разведки. Да, благодаря действиям разведки Сталин знал, что война начнется в 1941 году. Этого не отнять. Но разведка группировок никаких не вскрыла, направления ударов не определила и ориентировала руководство, что противник нанесет мощные удары только после проведения стратегического развертывания.

Федор Ладыгин: Разведка предупредила о войне.

Анатолий Куликов: Она предупредила, что будет война, и это ее одна из главных задач.

Махмут Гареев: Что предупреждать-то, Анатолий Сергеевич? Каждый польский крестьянин, каждый мужик в конце концов знал, что вся Польша наводнена немецкими войсками. Что вскрывать-то? Весь мир знал, во всех газетах писали.

Федор Ладыгин: В отношении группировки противника – группировка была вскрыта.

Махмут Гареев: Этот вопрос ясен. Франц Гальдер сообщал, что в ходе кампаний 1939–1940 годов на западе в распоряжении вермахта оказалось 3,5 тысячи французских и английских танков. Кроме того, было захвачено 1200 чехословацких танков. Это пять тысяч боевых машин. Где они? Почему в сведениях о противнике вы их не учитываете?

Федор Ладыгин: Махмут Ахметович, я готов задать вам этот же вопрос. Хочу напомнить, что в 1987 году состоялась научно-практическая конференция руководящего состава Вооруженных Сил СССР, к подготовке которой вы сами лично имели самое непосредственное отношение вместе с маршалом Ахромеевым. На вывешенных в зале таблицах все было обозначено – сколько имелось танков на западе у немцев и сколько у нас (в том числе новых). В той конференции принимали участие крупные военачальники. Тогда вопросов в отношении численности танков не возникало.

Анатолий Куликов: Олег Александрович Ржешевский хотел задать вопрос.

Олег Ржешевский: Вот вы, Федор Иванович, привели очень важную цифру – 129 донесений разведки стратегической важности было направлено высшему военно-политическому руководству страны. Среди этого массива были ли такие материалы, которые содержали дезинформацию?

Федор Ладыгин: Там были и такие, о которых вы говорите.

[Федор Ладыгин](#),

генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных Сил РФ в 1992–1997 годах

До и после 22 июня – как это было — часть III <http://vpk-news.ru/articles/8120>

// [Александр Карпов](#), [Герман Кириленко](#), [Владимир Лобов](#)

Продолжение. В газете уже опубликованы [первая](#) и [вторая](#) части.

Публикуем продолжение дискуссии, состоявшейся в Клубе военачальников Российской Федерации. Разговор за «круглым столом» шел о трактовке событий, которые происходили накануне нападения нацистской Германии на Советский Союз, и причинах тяжких поражений Красной армии в первых сражениях с вермахтом. В беседе приняли участие президент Академии военных наук, доктор военных и исторических наук генерал армии Махмут Ахметович Гареев, президент Российской ассоциации историков Второй мировой войны, вице-президент Международного комитета истории Второй мировой войны, доктор исторических наук, академик РАЕН Олег Александрович Ржешевский, маршал артиллерии Владимир Михайлович Михалкин, бывший начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии Владимир Николаевич Лобов, бывший начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал-полковник Федор Иванович Ладыгин, генерал-лейтенант Евгений Михайлович Малашенко, генерал-лейтенант Леонид Михайлович Хохлов, генерал-лейтенант Александр Николаевич Карпов, генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич Нефедов, генерал-майор Герман Васильевич Кириленко, полковник Валерий Викторович Абатуров, Михаил Вячеславович Морозов, главный редактор газеты «ВПК» Михаил Михайлович Ходаренок. Руководил работой «круглого стола» президент Клуба военачальников генерал армии Анатолий Сергеевич Куликов.

Яндекс [Директ](#)

- [Гель в Москве](#)

Продажа в Москве. Сравнение поставщиков и цен!

moskva.tiu.ru · Москва

- ["Война": смотрите онлайн сейчас!](#)

Смотрите фильм "Война" онлайн! Бесплатно и без SMS на ivi.ru!

www.ivi.ru

- [Сталь и марки стали](#)

Перечень марок стали, их характеристики, область применения и цены

omashinostroenie.com

- [Война](#)

Нужна информация по вопросу - война? Читай!

ru-consulting.ru

- [Бабушка сколотила 1 млн на форекс](#)

Новости: Старушка заработала более 1 млн работая на бирже форекс.

uaforexe.ru

[Дать объявление](#)

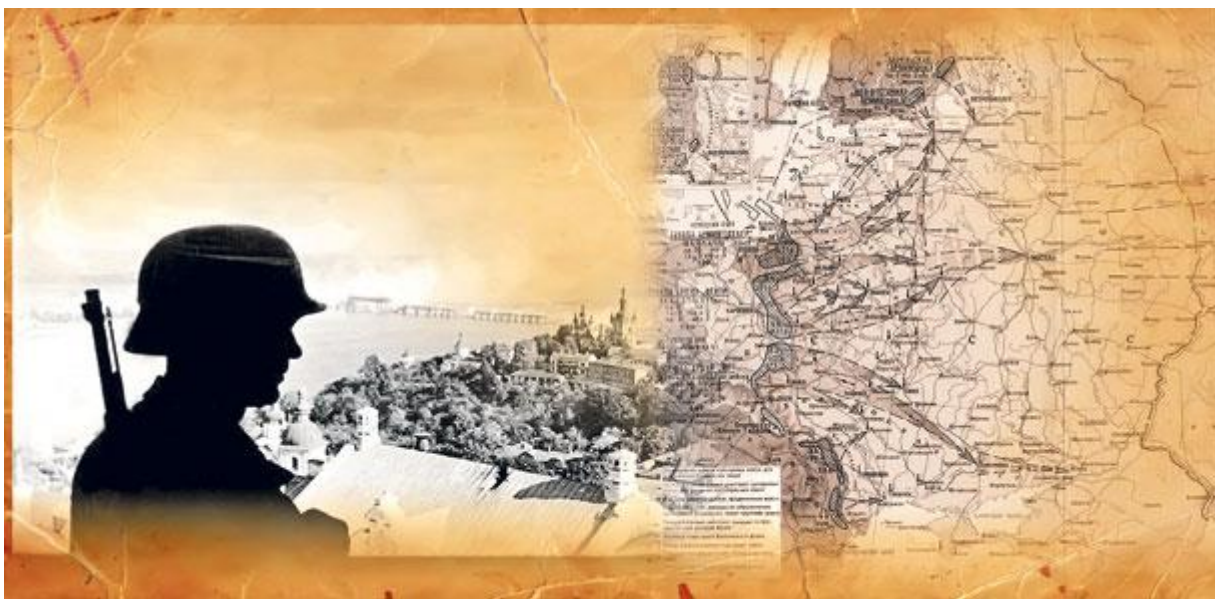
Еще одна тяжелая миссия

Сердечно благодарю президента Клуба военачальников за приглашение и возможность высказать свои суждения.

Для всех участников нынешнего «круглого стола» сегодня очевидно: говорить о непреходящем значении Победы в мае 1945-го, не до конца понимая явления, предшествующие началу вооруженного противоборства между СССР и нацистской Германией вкупе с возглавляемым ею альянсом европейских государств, во многом ущербно. Проблема рассмотрена среди других в первом томе нового фундаментального исследования «История Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Но интерес (иногда спекулятивный) к предвоенному мироустройству и партийно-государственным делам того времени не ослабевает. Взглядов с разных углов и точек зрения брошено немало.

Главный редактор «ВПК» Михаил Ходаренок в дебютной части пригласил нас не только к дискуссии. Поставленные вопросы в своей мировоззренческой совокупности заставляют глубоко задуматься. Фронтовикам – носителям правды о войне огромное спасибо! Представляется, что вам и особенно военным ученым уготована еще одна тяжелая миссия – устранить «недосказанности» о подготовке СССР к Великой Отечественной войне. Историческая правда российским обществом востребована, а значит, есть весомые предпосылки для формирования его патриотических качеств. Нельзя забывать, что вооруженные конфликты разрешаются умелым сочетанием военных и специальных усилий, а вот победить в крупномасштабной войне без народного патриотизма не удастся. Сегодня историческая правда выступает весомым фактором государственного и военного строительства.

Только событийное восприятие не позволяет строить качественные модели военно-политического мироустройства. Представить себе очень трудно, но вдруг все архивы станут доступными, а сведения из документов, ранее неизвестных исследователям, наполнят событийный ряд. И опять обнаружится несовершенство исторической картины мира. Так, например, руководство Советского Союза приступило в плановом порядке к подготовке страны и Вооруженных Сил к новой мировой войне в 1934 году, которая началась пять лет спустя. Для ответа на вопрос, когда же непосредственно СССР стал готовиться к противоборству с Германией (кстати, с этого момента существенным образом изменилась конфигурация сил во Второй мировой войне), придется вероятнее всего применить не очень корректные экстраполяционные приемы.

олаж Андрея Седых

Точно так же обстоят дела с оценкой ситуации у наших западных границ в последние предвоенные недели. Ударные группировки войск вермахта, как и комплекс мероприятий по их подготовке, были вскрыты советской военной разведкой, а сведения своевременно доложены военно-политическому руководству страны. В качестве его реакции тупо повторяется одна и та же резолюция Сталина: «Пошлите...»

Мутно выглядит проблематика Коминтерна (сегодня она даже не прозвучала), есть множество других примеров. Феномен прост: далеко не все важные решения в 30–40-х годах прошлого века получали по разным причинам документальное оформление. Объяснения подобного рода стали привычными, но они имеют и контрпродуктивную составляющую, дают почву для фантазий, различного рода сопоставлений и просто инсинуаций.

Анализируя мирно-военный характер развития человеческого общества, приходишь к выводу о целесообразности определения военно-политической деятельности предметом военно-исторических исследований, а их объектом – войну в ее комплексном понимании (подготовка, предотвращение, ведение). Предлагается такой подход апробировать на следующих «круглых столах», при положительном исходе готовить предложения по совершенствованию методологии военно-исторических исследований.

Речь идет не только о выведении более точных научных констатаций. Ломка архаичных (но подчас удобных и привычных) представлений в военно-исторической сфере непременно откроет новые горизонты развития отечественной военной культуры. Махмут

Ахметович Гареев назвал один из уроков «трагедии 22 июня»: когда сильно запахло порохом, пришло резкое ощущение низкого уровня подготовки наших командных кадров, их военной культуры. Восполнить такие пробелы в одночасье не удастся. К сожалению, российское общество потихоньку забывает этот жестокий урок истории и сторонится системной работы по развитию высокой военной культуры. Без этого важного элемента военной мощи в современных условиях эффективное решение задач продвижения и отстаивания национально-государственных интересов с опорой на военную силу становится проблематичным.

Первая встреча в формате «круглого стола» только затронула интереснейший пласт предвоенной отечественной истории, продемонстрировала возможность открытия ее «темных» страниц. Многогранность темы «22 июня 1941 года» требует продолжения научного поиска, предполагается его совершенствование. По мере получения положительных результатов нашей активности на данном направлении целесообразно адресовать их разработчикам последующих томов «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

[Александр Карпов](#),

доктор политических наук, профессор

Чревато повторением прежних ошибок

Необходимость критического переосмысления ранее написанного о Великой Отечественной войне явно назрела. На протяжении десятилетий после Победы освещение и толкование событий ожесточенного противоборства Советского Союза с нацистской Германией и гитлеровскими сателлитами, его итогов и уроков давались, как правило, в позитивном ключе. Для многих исследований характерно было изображение преимущественно героической стороны войны, показ успехов Вооруженных Сил СССР, в то время как о допущенных просчетах говорилось весьма скупое, а нередко и умалчивалось вовсе. Не всегда с должной полнотой освещались проблемы, касающиеся подготовки страны, ее армии и флота к отпору фашистской агрессии, причины наших поражений в 1941–1942 годах. Таким образом вольно или невольно снижалась планка подвига советского народа.

Качественное превосходство врага

Почему РККА с самого начала войны в течение полутора лет с огромными потерями вынуждена была отступать до Москвы и Ленинграда, до Кавказа, Терека и Волги?

Для оценки состояния советских Вооруженных Сил к лету 1941-го сошлюсь на два источника информации.

Незадолго до начала Великой Отечественной начальник Генерального штаба Шапошников в докладе наркому обороны СССР Тимошенко отмечал недостаточную оснащенность Красной армии артиллерией, авиационной, бронетанковой, автотракторной, инженерной техникой, средствами связи, нехватку боеприпасов, горюче-смазочных материалов, обозно-вещевого и санитарно-ветеринарного имущества. В документе подчеркивалось, что финансовое обеспечение лишь на 50 процентов покрывает потребности РККА, а высший командный состав, обладая хорошими боевыми качествами, не имеет достаточного военного образования.

За пять дней до нападения Германии на нашу страну помощник военного атташе США в СССР отправил донесение в отдел американской военной разведки, в котором, в частности, сообщал: «Самая большая слабость Советской армии состоит в недостатке современного снаряжения, вооружения и техники. В качественном и количественном отношении она нуждается в усилении современными самолетами, артиллерией и автотранспортом.

Эти недостатки снижают ее воздушную мощь, огневую мощь и мобильность. Она не может противостоять действующей в наступательном духе, высокоподвижной армии, оснащенной современным снаряжением и вооружением...

Трудно говорить о боеспособности Красной армии, базой которой является страна, все еще фактически безграмотная и отсталая с точки зрения технического оснащения...»

В дополнение и отчасти в подтверждение вышесказанного прошу обратить внимание на три, по моему мнению, весьма важных факта.

Первый. 23 февраля 1941 года РККА отметила только свое 24-летие. А закон «О всеобщей воинской обязанности» был принят лишь 1 сентября 1939-го, то есть за один год и девять месяцев до вторжения врага. За такой срок подготовить и хорошо обучить многомиллионный мобилизационный резерв было нереально.

Второй. Общеизвестно, что в период Первой мировой войны 40 процентов солдат русской армии не умели ни читать, ни писать. Советская власть сделала очень многое по ликвидации неграмотности населения, в области повышения уровня культуры и технического образования, воспитания нового поколения интеллигенции. Результаты были впечатляющими. Но за 20 лет оказалось невозможно преодолеть вековую отсталость.

К началу Великой Отечественной войны число малограмотных в наших войсках оставалось весьма высоким. Это не могло не сказаться на качественном состоянии армии в целом.

Третий. Опыт многих войн свидетельствует о том, что подвижность войск может часто замещать их многочисленность. Обладал ли в 1941–1942 годах вермахт таким преимуществом? К сожалению, да.

оллаж Андрея Седых

Германия получила в свое распоряжение автомобильный транспорт почти всей Западной Европы. Только за счет трофейных французских автомобилей были оснащены 92 немецкие дивизии. Советские же войска к началу войны имели всего треть штатной численности транспорта, в основном прибывшего из народного хозяйства.

Высокая степень моторизации германской армии придавала ей большую маневренность, позволяла ударным группировкам противника стремительно развивать наступление, с ходу преодолевать водные преграды, обходить с флангов советские соединения, срывать или ослаблять их контрудары. Глубокие прорывы противника часто вынуждали советское командование вводить в сражение резервные армии по частям, не ожидая их полного сосредоточения.

Наши войска, располагавшиеся на западном ТВД, имели большое количество танков и самолетов, однако общее качественное превосходство было на стороне врага, и оно, как показали события 1941 года, стало решающим фактором.

Кровавая учеба

Надо также признать, что к моменту нападения на СССР агрессор обладал целым рядом и других преимуществ. Одним из важнейших было то, что гитлеровская армия к лету 1941 года приобрела колоссальный опыт ведения современной войны, «войны моторов», осуществления глубоких операций. Напомню, что для разгрома Польши вермахту потребовалось 27 дней, Франции – 39. Норвегию он оккупировал за 23 дня, Данию – за 24 часа. Бельгия капитулировала перед немцами через 18 дней, Голландия – через пять.

Германские войска в июне 1941-го находились в развернутом состоянии, в полной боевой готовности. В отличие от советских соединений и частей, остававшихся на положении мирного времени, проходивших формирование или реорганизацию, дивизии и корпуса вермахта были полностью укомплектованы по штатам военного времени, слажены и обучены, во всех звеньях они имели хорошо подготовленных в теоретическом и практическом плане командиров. Не случайно Маршал Советского Союза Жуков впоследствии писал: «При всей неприязни к фашистам невозможно не отметить, что немецкий офицерский состав был подготовлен выше всяких похвал...» Этому способствовали и незначительные потери германской армии почти в двухлетних боевых действиях в Европе.

Надо учесть и такой фактор: победоносная война в Европе вселила в сознание немецких военнослужащих уверенность в себе, в своем оружии и безграничную веру в командование вермахта и политическое руководство Третьего рейха. Разумеется, РККА имела куда меньше возможностей для обретения подобных качеств. Волна репрессий, слабая теоретическая и практическая подготовка основной части командного состава не могли внушить советским воинам такую же веру в своих командиров, а слабая обученность войск не способствовала совершенному владению оружием, не говоря уже об уверенности в себе. Нельзя сбрасывать со счетов и превосходство германских солдат и офицеров в уровне не только общей, но и технической грамотности.

Несмотря на присущую немцам педантичность, в вермахте были созданы более благоприятные условия для творческих и инициативных действий, чего не наблюдалось в Красной армии, где страх перед репрессиями фактически лишал командный состав всякой самостоятельности. В условиях быстро меняющейся, часто неясной обстановки, при отсутствии связи с вышестоящим начальником это обстоятельство также сыграло свою трагическую роль.

И конечно, в течение всего первого года войны на боевые операции заметное влияние оказывали низкая степень обученности и слаженности штабов и войск, отсутствие достаточного боевого опыта у значительной части командного состава РККА.

Перечень преимуществ вермахта можно было бы продолжить, но я ставил перед собой задачу назвать только основные из них, а все остальные, часто упоминаемые в печати, являются лишь их следствием. При этом я умышленно не назвал внезапность, на которую чаще всего ссылаются историки. Убежден, что при всей ее очевидности она не могла иметь решающего значения. Поражения Красной армии в 1942 году подтверждают такой вывод.

В течение 1941–1942 годов Советская армия постепенно избавлялась от собственных недостатков, накопила необходимый боевой опыт, чтобы брать верх над сильным противником.

Впрочем, идентичное объяснение событиям на фронте в 1941–1942 годах Верховный главнокомандующий Сталин дал после победы под Сталинградом в приказе № 95 от 23 февраля 1943 года: «Гитлеровская армия вступила в войну против Советского Союза, имея почти двухлетний опыт ведения крупных военных операций в Европе с применением новейших средств войны. Красная армия в первый период войны, естественно, не имела еще и не могла иметь такого военного опыта. В этом состояло преимущество немецко-фашистской армии.

За двадцать месяцев положение, однако, изменилось в этой области. В ходе войны Красная армия стала кадровой армией. Она научилась бить врага наверняка с учетом его слабых и сильных сторон, как этого требует современная военная наука».

Думаю, что приведенные факты и высказывания достаточно убеждают в том, что враг был чудовищно силен и потому чрезвычайно опасен. Потребовались годы тяжелых уроков войны и многомиллионные жертвы, чтобы его одолеть.

Таким образом, если смотреть «истине прямо в лицо», то нельзя не заметить, что причины поражений нашей армии в начале Великой Отечественной оставались примерно теми же, что и в Крымской, Русско-японской, Первой мировой войнах.

«На ошибках учатся» – гласит известная поговорка. К сожалению, мы долгое время даже в стенах Академии Генерального штаба не изучали печальные страницы нашей военной истории, а сосредотачивали внимание только на успешных операциях в войнах XIX и XX столетий. А это не только противоречит народной мудрости, но и чревато повторением прежних недочетов в подготовке страны и ее Вооруженных Сил к отражению возможной агрессии.

[Герман Кириленко](#),

генерал-майор, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН

Почему произошло именно так?

Сегодня в нашей стране разгорелась поистине яростная дискуссия по ряду вопросов, связанных с историей Великой Отечественной войны. Горячие споры идут между тремя поколениями ученых и публицистов. К первому принадлежат люди, прошедшие фронтовыми дорогами. Они присутствуют здесь, на этом «круглом столе». Второе поколение – то, которое что-то слышало от ветеранов, которое учили чему-то в институтах или в академиях на кафедрах военного искусства. Третье представляют сравнительно молодые люди, живущие и здравствующие в настоящее время. Они много пишут, говорят, высказывают собственное мнение как о тех, кто воевал, так и о тех, кто не воевал.

Потому и рождается масса всевозможных домыслов. А в конечном итоге все факты берутся из тех источников, которые уже давно существуют. Летопись Великой Отечественной войны, начиная с первой ее истории в шести томах, переписывается с периодичностью в 15–20 лет. Причем все, что изложено в первом фундаментальном труде, в огромном большинстве плавно перекачивается в последующие монографии.

Как мне представляется, инициативу досконального исследования причин Великой Отечественной должно взять на себя политическое руководство нашей страны. Время пришло не то чтобы открыть архивы, пора, на мой взгляд, наконец сказать правду. Иначе последние очевидцы событий 1941–1945 годов унесут ее с собой. И вряд ли мы что узнаем.

Когда речь заходит о противоборстве не на жизнь, а на смерть между СССР и Германией, то всегда забываем третью сторону. А ведь именно она, как правило, и готовит войну, сталкивает две противоборствующие стороны. Вот где, на мой взгляд, собака зарыта.

А третья сторона у нас всегда за кадром. Мы ее не видим, не ощущаем, не хотим к ней прикасаться. Кто подталкивал Гитлера и Сталина к войне? Это вопрос очень серьезный. Я сошлюсь на книгу о Франклине Рузвельте известного историка и политолога Анатолия Уткина. Его, к великому сожалению, нет, он скончался в январе прошлого года. В этом труде четко просматривается роль Великобритании и США в развязывании войны между Германией и Советским Союзом. Анатолий Иванович прямо об этом пишет. Как встречались лидеры обеих держав, какие они вели переговоры.

Одно из совещаний Рузвельта с Черчиллем состоялось в преддверии нападения Германии на СССР на борту линкора в Атлантическом океане. О чем беседовали американский президент и британский премьер, что они тогда решили? Никто этого не знает. До сих пор материалов той встречи нет, а она, повторяю, прошла накануне Великой Отечественной войны.

В этой же книге Уткина приводится телеграмма Черчилля Рузвельту, в которой он пишет: «Наконец-то удалось направить эту силу против другой». Какую силу? Против какой другой? Значит, готовили и замыслили.

Кстати сказать, Версальский договор – ключ к разгадке большинства последующих событий в мировой политике. Он, во-первых, должен был предотвратить милитаризацию побежденной в 1918 году Германии. Однако на практике положения этого документа лишь стимулировали переоснащение немецких вооруженных сил.

В частности, строительство подводных лодок в Германии было запрещено. Но производство субмарин перенесли в Голландию, а Швеция поставляла значительную часть комплектующих. Значит, налицо кооперация, которой на практике кто-то руководил.

Во-вторых, для ведения масштабных военных действий надо организовать подготовку командных кадров – и не просто офицерского состава, а танкистов, летчиков, моряков. Словом, надо обучать всех, вплоть до разведчиков, которые сегодня присутствуют в этом зале. Кто пестовал эти кадры? Кто стимулировал эту подготовку? В значительной степени данный процесс был простимулирован со стороны Великобритании и США.

Или такой пример: в 1924 году СССР уменьшил численность своей армии с 5,5 миллиона до 520 тысяч. На каком основании, почему? Кто это стимулировал? Почему это произошло? Ведь РККА не просто сократили в 10 раз, а ликвидировали все училища, все академии – всю подготовку кадров. Свернули ее по сути дела. А потом пошло постепенное увеличение советских Вооруженных Сил: 800 000 – к 1932-му, около 1 200 000 – к 1939-му.

А в 1941 году что произошло? Тут говорили, что 5,5 миллиона человек у нас в армии тогда насчитывались, а откуда они взялись? В 1940–1941 годах, когда уже шла Вторая мировая война, начали людей из запаса призывать. Вынуждены были оголить народное хозяйство – ставили в строй инженеров, агрономов, врачей, учителей. Вот кто пошел в Красную армию командирами. Ускоренные курсы – и командуй артиллерийским или стрелковым взводом. Значит, кем-то продумано все это было, чтобы мы поступили именно так.

И последнее. Знал ли Сталин, что война начнется в 1941 году? Да, конечно, знал. Но почему все произошло именно так, как произошло, – этот вопрос требует дальнейших серьезных исследований.

[Владимир Лобов](#),
генерал армии

Окончание читайте в [следующем номере](#).

[Опубликовано в выпуске № 35 \(401\) за 07 сентября 2011 года](#)

ДО И ПОСЛЕ 22 ИЮНЯ – КАК ЭТО БЫЛО — ЧАСТЬ IV

// [Махмут Гареев](#)

Окончание. В газете уже опубликованы [первая](#), [вторая](#) и [третья](#) части.

«ВПК» публикует заключительное слово президента Академии военных наук генерала армии Махмута Гареева на заседании «круглого стола» в Клубе военачальников Российской Федерации.

ДО И ПОСЛЕ 22 ИЮНЯ – КАК ЭТО БЫЛО — ЧАСТЬ IV

// [Махмут Гареев](#)

Окончание. В газете уже опубликованы [первая](#), [вторая](#) и [третья](#) части.

«ВПК» публикует заключительное слово президента Академии военных наук генерала армии Махмута Гареева на заседании «круглого стола» в Клубе военачальников Российской Федерации.

На мой взгляд, у нас состоялся полезный разговор, который будет способствовать дальнейшему прояснению событий 1941 года. Считал бы нужным уточнить нашу позицию только по некоторым вопросам.

ЭТО НЕ ПРОПАГАНДИСТСКИЕ МИФЫ

Во-первых, относительно разведки накануне войны. Безусловно, она многое сделала для вскрытия военных приготовлений нацистской Германии. Но надо понять, что разведка – это не только добывание тех или иных сведений о вероятном противнике, но и их глубокий анализ, умение отсеять достоверные факты от дезинформации, формулирование соответствующих выводов, вытекающих из имеющихся данных. И это дело не только разведчиков, здесь должны работать руководители государства и Вооруженных Сил, командующие видами и родами войск ВС, штабы различных уровней.

Во-вторых, в ходе обсуждения справедливо говорилось о том, что нам надо добиваться объективного освещения истории Великой Отечественной войны, решительно избавляясь от всякого рода мифов и вымыслов, но и не скатываясь к сплошному нигилизму. Например, в печати публикуются материалы, в которых утверждается, что в районе разъезда Дубосеково в ноябре 1941-го никаких подвигов бойцы-панфиловцы не совершали или не было никакого танкового сражения под Прохоровкой в июле 1943 года и т. д.

Продолжая такую нигилистическую тенденцию, сегодняшние антисталинисты даже приходят к заключению, что вообще массовый героизм, успешные битвы и бои Красной армии в период Великой Отечественной – пропагандистский миф. Ставится под сомнение и сама одержанная Победа. Но ведь кто-то каким-то образом разгромил врага, который до этого покорил всю Европу. Кто же тогда пришел в Берлин и заставил капитулировать гитлеровский рейх?!

Уже сам этот свершившийся факт является величайшим в истории историческим подвигом советского народа и его Вооруженных Сил. В действительности под Москвой, Сталинградом, Курском, Варшавой и Берлином совершались десятки, сотни героических деяний. И близ Дубосекова, Прохоровки кто-то неприятеля остановил и одолел. Однако беда в том, что находившиеся в самом пекле боев на передовой их непосредственные участники очень быстро выбывали из строя, попадая, как говорили на фронте, «или в Наркомзем, или в Наркомздрав». Корреспонденты же и тем более историки в тех местах

оказывались редко. Поэтому детали подвигов, подлинные фамилии и имена героев не всегда точно удавалось зафиксировать. Все это надо уточнять, дополнять, а не пытаться отменять все, что в действительности было.

В-третьих, еще раз хочу обратить внимание на очень важные аспекты главного вопроса, который мы обсуждали: отчего и почему теперь делаются попытки в корне пересмотреть итоги Второй мировой войны, об истоках причин этого.

Видимо, настала пора более определенно высказаться по столь сложному и деликатному вопросу, который так или иначе всегда давал о себе знать, но прямо и определенно говорить об этом мы до сих пор избегали.

КТО СРАЖАЛСЯ, А КТО СДАВАЛСЯ

Когда у нас заходит речь о политике Запада, о ее извечной геополитической антироссийской ангажированности, надо, видимо, все же отдавать себе отчет и в том, что западный мир не однолик. Кроме таких людей, как маршал Пэтэн во Франции, лорд Гамильтон или герцог Виндзорский в Англии, Квислинг в Норвегии, которые были склонны к сотрудничеству с Гитлером, кроме правящих кругов, зависимых в прошлом и настоящем от господствующих международных финансовых кругов и транснациональных компаний, заведомо недоброжелательно настроенных к России, есть народные массы, общественность, избиратели, дальновидные политики, которые нередко сдерживали и сдерживают агрессивность государственных мужей, зараженных русофобией, оказывали и оказывают влияние на принимаемые ими решения. Под давлением именно этих сил некоторые западные страны не спешили сблизиться с Третьим рейхом, пошли на создание антигитлеровской коалиции, довели до конца сокрушение германского фашизма и японского империализма, предоставили помощь СССР по ленд-лизу. Миллионы солдат армий наших западных союзников сражались на фронтах Второй мировой. И мы выражаем глубочайшее уважение всем ветеранам антифашистской войны. Это является и основой наших надежд на будущее сотрудничество.

Да, Победа в мае 1945-го досталась нашей стране ценой невероятных лишений и жертв. Однако это объясняется не только различными упущениями и ошибками советского военно-политического руководства, но и в значительной мере тем, что правящие круги Запада порой открыто (подспудно) саботировали, сдерживали многие действия, направленные на оказание сопротивления общему врагу, а где-то рассчитывали и на обескровление, ослабление Советского Союза во время войны. Не следует забывать о крайне циничных шагах, направленных на поощрение фашистской агрессии на Восток в 30-е годы. В мае-июне 1940-го лидеры ряда западных государств не захотели по-настоящему сражаться против германских войск, не считали нужным оборонять свои города, как это делали мы при защите Ленинграда, Москвы или Сталинграда. Париж вообще был объявлен открытым городом. Дания, когда в нее вторглись части вермахта, потеряла четыре человека. Даже когда воевали с немцами, все же надеялись как-то сторговаться с Берлином – тому свидетельство и «снисхождение» со стороны Гитлера к английским дивизиям под Дюнкерком.

В феврале 1942-го 70-тысячный британский гарнизон Сингапура во главе с генералом Персивалом сложил оружие, едва к важнейшему опорному пункту Соединенного Королевства в Юго-Восточной Азии приблизились японские войска. Три года офицеры и солдаты его величества просидели в плену и после победы, одержанной другими людьми, как герои возвратились домой. Почему они так поступили? Надеялись, что в мире есть силы, которые не сдадутся при первом появлении противника, а будут биться до конца и принесут им освобождение. Западные союзники СССР в самые трудные для него периоды противоборства с гитлеровской Германией и ее сателлитами предпочитали воевать в Африке, Сицилии, на Балканах, тянули, сколько могли, с открытием второго фронта в Европе.

Ожесточенные сражения еще продолжаются, наша армия, истекая кровью, освобождает восточноевропейские страны от фашистской оккупации, а эмиссары союзников ведут сепаратные переговоры с представителями Германии. По приказу Черчилля собирали оружие, дабы снабдить им немецких военнопленных для оказания сопротивления советским войскам, если они вздумают дальше двигаться к Ла-Маншу. Да и вермахт, отчаянно бившийся с РККА, целыми армиями и дивизиями сдавался частям союзников. Что тут срабатывало? Может быть, общий «англосаксонский дух», на который делал ставку Гитлер?

НЕ ПОВТОРЯТЬ ОШИБОК ПРОШЛОГО

И после этого некоторые историки не стесняются сравнивать наши потери в войне с потерями американских и британских войск. Вряд ли всю эту череду парадоксальных событий и акций можно считать случайной. Многие подобные отрывки истории дают знать о себе и в наши дни. На Украине фашистскому наймиту Шухевичу присваивают звание героя, в Прибалтике при участии официальных властей устраивают парады бывшие эсэсовцы, в Германии (например в книге Юргена Графа «Крах нового мирового порядка») начинают ставить под сомнение фашистские злодеяния. Президент Румынии солидаризуется не с королем Михаем, присоединившим страну к антигитлеровской коалиции, а с генералом Антонеску и говорит, что он также вместе с Гитлером пошел бы войной против СССР. В Польше без конца твердят о советской оккупации в 1944–1945 годах, не задумываясь над тем, как они иначе могли бы избавиться от ига Третьего рейха. В ряде государств запрещаются и разрушаются советские символы, зато устанавливаются фашистские. В Норвегии новоявленный нацист расстреливает около сотни ни в чем не повинных людей.

Коллаж Андрея Седых

Все эти провокационные акции предпринимаются не только отдельными хулиганами и отморозками, но и всецело поддерживаются определенными кругами в Евросоюзе. Когда мы все это видим сегодня в «цивилизованной» Европе, а в нашей стране затевается федотовско-карагановская «десталинизация», невольно задумываешься не только о том, за что воевали мы, ветераны Великой Отечественной, во имя чего гибли наши однополчане, но и почему все это стало возможным.

Дело дошло до того, что как Германию, так и СССР объявляют виновниками в развязывании шестилетней глобальной бойни. В Вильнюсе ПАСЕ приняло решение 23 августа – день заключения советско-германского договора 1939 года – повсюду отмечать как День жертв Второй мировой войны. Большого кощунства, видимо, трудно уже придумать.

Предвзятость, недоброжелательность по отношению к нашей стране давали о себе знать и после 1991 года, когда распался СССР, самоликвидировалась Организация Варшавского договора, исчезли даже признаки «коммунистической угрозы». Все больше это ощущается и сегодня. Всем очевидно также, что без санкции и подталкивания США грузинский президент Саакашвили не осмелился бы предпринять агрессию против Южной Осетии в 2008 году. Заигрывание с фашистами в 30-е годы стоило свыше 55 миллионов человеческих жизней. Есть серьезные опасения, что новые попытки реабилитировать нацизм и реваншизм могут привести к более тяжким последствиям.

Если международное сообщество действительно хочет извлечь уроки из прошлого, всем здравомыслящим людям прежде всего нужно уяснить, что светлая память о Великой Победе, одержанной во Второй мировой, не должна служить средством конфронтации ни в нашей стране, ни за рубежом, а сплачивать народы на пути к лучшему будущему, на что так надеялись участники той войны.

В свете уроков 40-х годов XX века весьма важным является и то обстоятельство, что несмотря на все противоречия и социально-политические различия, руководители Советского Союза, США, Англии, Франции, Китая и других стран нашли возможности и пути политического, экономического, военного сотрудничества в интересах достижения общей победы над врагом. И сегодня во имя предотвращения новой войны и решения

сложнейших глобальных проблем выживания человечества лидеры, граждане различных стран могут и должны проложить новые пути укрепления доверия и сотрудничества.

Достаточно вспомнить, как трудно складывалась антигитлеровская коалиция и как неоднозначно шла сама война, чтобы не повторять ошибок прошлого и не порождать новый виток конфронтации. Необходимо уяснить, что одних заверений об укреплении партнерских связей, о налаживании взаимодействия в различных сферах недостаточно. Надо взять курс на искреннее и более последовательное сотрудничество, не разделяя снова мир на победителей и побежденных в холодной войне. В этом новом мире будут неизбежными и соперничество, и конкуренция, и отстаивание национальных интересов, но объединяющей основой должны стать общие приоритеты взаимной безопасности и выживания всех народов в наше трудное время.

[Махмут Гареев](#)

[Опубликовано в выпуске № 36 \(402\) за 14 сентября 2011 года](#)